

Из истории Российской академии наук

И. С. ДМИТРИЕВ

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

(о избрании Д. И. Менделеева в Императорскую академию наук в 1880 г.)*

Покойный профессор Никита Крылов, купаясь однажды с Пироговым в Ревеле и рассердившись на воду, которая была очень холодна, выбранился: «Подлецы немцы!»

А. П. Чехов [1, с. 318]

Избрание Д. И. Менделеева в Академию наук в ноябре 1880 г. многократно обсуждалось как современниками ученого, так и историками науки [2–10]. При этом назывались разные причины его забаллотирования — от происков «немецкой партии» в Академии до утверждений, будто «прогрессивные взгляды Менделеева, его ярко выраженный патриотизм, широта его интересов — все это, несомненно, повлияло на результаты выборов» [6, с. 237]. В литературе последних лет [8; 9; 10] были сделаны в целом, на мой взгляд, удачные попытки выйти за рамки примитивных концепций, укоренившихся в историографии. И тем не менее многие аспекты этой истории требуют более детального анализа и пересмотра устоявшихся интерпретаций, тем более что «академический скандал» 1880 г. множеством нитей связан с другими историко-научными вопросами, касающимися как менделеевской биографии, так и деятельности Академии наук во второй половине XIX столетия. Я начну с комментированной хронологии событий, взяв за исходную точку октябрь 1874 г.

Question préalable

8 октября 1874 г. академики Н. Н. Зинин, А. М. Бутлеров, А. Н. Савич и И. И. Соменов внесли в Физико-математическое отделение Петербургской академии наук (далее *ФМО АН*) предложение об избрании Менделеева в адъюнкты по химии.

Из статьи Бутлерова в еженедельной газете «Русь» (1882 г.):

Так как имелись налицо адъюнктские только вакансии, то мы и решились ... предложить проф. Менделеева в адъюнкты по химии. Прежде всего требовалось, чтобы отделение признало возможным предоставить химии одну из свободных адъюнктур. <...> Мы сочли необходимым обратиться к компетентным лицам с вопросом о том, следует ли нам представлять Менделеева прямо, или должно сначала, не называя лица, возбудить вопрос о предоставлении химии адъюнктского места. Вопрос этот был сделан академиком Зининым г. Непременному секретарю Академии (т.е. К. С. Веселовскому. — *И. Д.*), который и посоветовал избрать первый путь, т.е. сделать представление прямо, указав лицо [11].

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 02-03-18011).

ВИЕТ. 2002. № 2. С. 231–280. © И. С. Дмитриев

29 октября 1874 г. вопрос обсуждался в ФМО АН. Перед голосованием была оглашена записка Бутлерова и Зинина, датированная 26 октября, в которой, в частности, говорилось, что «с 1838 г. по 1870 год, в 32-х-летний промежуток времени, химия в Академии в течение 27 лет была постоянно при трех или четырех представителях и только в течение 5 лет оставалась при двух. <...>

И при этом нельзя не принять в соображение, что в тридцатых и сороковых годах химия была лишь сравнительно незначительной частью той совокупности знаний, какою стала она ныне: органическая химия тогда едва начинала складываться в научную форму, а физико-химия, на которую мы в особенности должны были указать в нашем представлении (Менделеева выдвигали как исследователя, «снискавшего заслуженную и почетную известность своими учеными трудами, в особенности, по отделу физико-химии» [13, с. 220]. — *И. Д.*), почти не существовала» [13, с. 221]. Далее состоялись короткие, но выразительные прения.

Из упомянутой выше статьи Бутлерова:

...Каково же было мое изумление, когда, по выслушании представления, г. Непременный секретарь, с высоты занимаемого им рядом с г. Президентом места, обратился ко мне с упреком за то, что вопрос о месте не возбужден нами отдельно от вопроса о лице. «Таким образом, — заметил он, — вы можете привести нас к необходимости забаллотировать достойное лицо».

У Бутлерова при себе таких точных слов не оказалось, поэтому он сказал первые попавшиеся:

Ошеломленный неожиданностью, я ответил, — однако же громко, — что г. Непременному секретарю все было известно заранее. Ответа на это мне дано не было [12, т. 3, с. 124].

Видимо, Александр Михайлович, пробыв четыре года в Академии наук, а до этого дважды, хоть и недолго, занимая кресло ректора Казанского университета, так и не догадался, что в бюрократических сферах любой мало-мальски шепетильный вопрос сначала решают в узком кругу заинтересованных лиц, а уж потом, в случае крайней необходимости, выносят на публичное обсуждение, *sed non vice versa*.

Далее ФМО приступило к голосованию, результаты которого теперь уже мог предугадать даже Бутлеров.

Из протокола заседания Отделения:

...Присутствующих было 18, так что все число голосов (2 голоса г. Президента) составляло 19, а простое большинство 10. По производстве баллотирования и по счету шаров оказалось:

Черных шаров . . . 11
Белых 8.

Таким образом, Отделение признало, что оно не предоставляет для химии ни одного из двух имеющихся ныне вакантными адъюнктских мест [13, с. 124].

Это внешняя сторона дела. А вот некоторые детали его закулисного развития.

Из «Записок и воспоминаний» академика К. С. Веселовского, неперменного секретаря Академии наук в 1857–1890-м гг.:

Академик Бутлеров, бывший в то же время и профессором [СПб.] Университета, вел постоянно открытую войну против Академии и в угоду своих университетских товарищей не раз пытался провести Менделеева в академики, вопреки желанию боль-

шинства членов физико-математического отделения. В первый раз он предложил его в адъюнкты по физике, несмотря на то, что по этой науке Менделеев не только не имел никаких заслуг, но даже прямо осрамился своею попыткой исправить таблицы Реньо об упругости паров. <...> Ввиду весьма большой вероятности отрицательного результата баллотировки, если бы она была допущена, баллотировка Менделеева была устранена с помощью предварительного вопроса (*question préalable*), т.е. был поставлен вопрос: следует ли вакантное место адъюнкта предоставить физике (Веселовский слегка запамятовал — речь шла о химии и о «физико-химии», но в остальном структура интриги передана им безукоризненно. — *И. Д.*) [3, с. 324–325].

Виртуозная работа! Формально ФМО забаллотировало не Менделеева, а, так сказать ... физико-химию, но попутно и с Дмитрием Ивановичем разобрались, коли уж господину непременно секретарю все было известно заранее. Этот изящный прием — предложение «достойному лицу» почетного кресла с одновременным устранением самого кресла — разумеется, был не нов¹, но надо отдать должное мастерству исполнения.

16 ноября 1876 г. на член-корреспондентские вакансии, коими Академия наук разжилась по случаю своего 150-летия, были выдвинуты четыре кандидатуры химиков (два российских ученых и два иностранных): Менделеев, Г. В. Струве, М. Бертло (Франция) и Э. Франкланд (Великобритания). Представление подписали академики Г. П. Гельмерсен, Н. И. Кокшаров, Ф. Б. Шмидт, А. В. Гадолин и Бутлеров.

30 ноября 1876 г. состоялось голосование, и Менделеев, в числе других выдвинутых лиц, большинством голосов (17 — «за», 2 — «против») был избран членом-корреспондентом по разряду физических наук, за что он не без иронии поблагодарил Академию (письмо от 22 января 1877 г.): «Императорская С.-Петербургская Академия наук избранием в свои члены-корреспонденты оказала мне такую высокую честь, которая не соответствует моей скромной деятельности на поприще наук» (цит. по [7, с. 399]).

По мнению Н. А. Фигуровского, «успех выборов в данном случае объясняется огромным впечатлением в ученом мире, произведенным открытием Лекок де Буабодраном галлия, свойства которого за 5 лет перед этим были предсказаны Менделеевым» [4, с. 191] на основании Периодического закона. Интересно, как, следуя *такой* логике, объяснить *неуспех* выборов 1880 г. — открытием скандия? Думаю, однако, что в 1876 г. на избиравших куда большее впечатление производил Устав Академии, согласно которому, если последняя «заблагорассудит присоединить к себе ученого, русского или иностранца, который не столько еще известен, чтобы мог требовать чести быть почетным членом (а также адъюнктом или академиком. — *И. Д.*), но своими полезными сочинениями, или познаниями, или же ревностию и старанием, оказав полезные Академии услуги, обратил на себя отличное внимание, то она принимает его в корреспонденты...» [15, с. 108, § 86]. Таким образом, члены-корреспонденты в «академическое собрание», состоявшее из ординар-

¹ Именно такой прием использовался в 1869 г., чтобы не допустить И. И. Мечникова на кафедру зоологии Медико-хирургической академии. «Я предложил Вас, — писал Мечникову выдвинувший его И. М. Сеченов, — ... в ординарные [профессора], комиссия, разбиравшая Ваши труды, тоже предложила Вас в ординарные Вслед за этим и по закону, и по разуму следовало бы пустить на шары вопрос о Вашем избрании». Но тут было предложено предварительно решить другой вопрос — нуждается ли вообще Медико-хирургическая академия в преподавателе зоологии в качестве ординарного профессора? «... Достойная партия молодой Академии, — продолжал Сеченов, — не желала Вас принять в свою среду, но вместе с тем, не хотела положить на себя срама забаллотировать Вас» (цит. по [14, с. 143–144]).

ных и экстраординарных академиков и адъюнктов, не входили, денежного вознаграждения не получали и пользовались лишь правом печатать свои труды в академических изданиях, что, впрочем, можно было делать и не будучи членкором. Указанные обстоятельства, на мой взгляд, вполне объясняют причину сравнительно легкого прохождения Менделеева в члены-корреспонденты Академии наук — она его за «ревность» полюбила. Многие современники не без основания сравнивали членкорство Менделеева с камер-юнкерством Пушкина.

Теперь обратимся к событиям 1880 г., также представив их в хронологическом порядке.

«Человеческий аргумент»

6 февраля 1880 г. скончался академик Н. Н. Зинин, в свое время немало способствовавший продвижению на академические вакансии талантливых и активных ученых, в том числе и Бутлерова.

11 марта, согласно Уставу Академии наук (§ 63), была назначена комиссия при ФМО «для составления списка кандидатов» [13, с. 225] на освободившуюся кафедру «технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам», в которую вошли Бутлеров, Кокшаров (академик по минералогии), Вильд и Гадолин (оба академики по физике).

Из статьи Бутлерова в газете «Русь»:

Хотя Устав и называет «технологию», но рядом с этой отраслью, не представляющей самостоятельной науки, он ставит «химию, приспособленную к искусствам и ремеслам», а для «приспособления» науки необходимо прежде всего владеть ею вполне, — стоять в ней по возможности высоко; притом, скончавшийся академик работал исключительно по чистой химии. Все это, так же как и самое устройство академической лаборатории, достаточно определяло качество кандидата как химика [12, т. 3, с. 127].

Доводы Бутлерова не вполне убедительны в целом (чтобы быть, скажем, хорошим медиком и тем более фармацевтом, тоже надо «владеть химией вполне», что, кстати, «скончавшийся академик» прекрасно понимал, и потому в Медико-хирургической академии он «не стеснялся медицинским характером учреждения и читал свои блестящие курсы так же серьезно, полно и подробно, как бы он это делал на физико-математическом факультете университета» [12, т. 3, с. 103]) и не совсем точны в деталях. В 1855 г. Зинин был избран (23 голоса — «за» и 1 — «против») адъюнктом Академии наук «по части химии» (его представляли Э. Х. Ленц, Б. С. Якоби и Ю. Ф. Фрицше). 2 мая 1858 г. по представлению Фрицше и Якоби Зинин был единогласно избран экстраординарным академиком, также по «чистой химии». В начале 1865 г. скончался академик Ленц, и появилось вакантное место по физике, кое занял академик Якоби, оставив не вполне для него «естественную» кафедру технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам, на которую по предложению академиков Якоби, Фрицше, Сомова и Савича был переведен Зинин, избранный 5 ноября 1865 г. ординарным академиком. В представлении, подписанном Фрицше и Якоби, в частности, отмечалось, что «независимо от трудов по органической химии, г. Зинин занимался и той частью химии, которая имеет своим предметом применение ее выводов к искусствам и ремеслам, и в течение многих лет состоял ординарным профессором технологии и технической химии в Казанском университете, а ныне, с 1848 года, исполняет обязанности Члена Мануфактурного Совета Министерства Финансов; сверх того, он всегда принимал дея-

тельное участие в разрешении технических вопросов, подлежавших рассмотрению Академии, и при этом оказал себя совершенным знатоком дела» (цит. по [16, с. 87]).

Кроме того, к моменту избрания Зинина в ординарные академики важное промышленное значение открытой им в 1842 г. реакции получения аминов (в частности, анилина) восстановлением нитросоединений уже вполне выяснилось (подробнее см. [17, с. 239–241; 18]). В 1853 г., с началом Крымской войны, Зинин и В. Ф. Петрушевский изучали вопрос о применении нитроглицерина для снаряжения гранат, и хотя тогда реализовать эту идею не удалось, тем не менее опыты Зинина и Петрушевского стимулировали развитие в России технологии бризантных взрывчатых веществ, и нитроглицерин стал применяться для подводных и наземных взрывов (1862 г., О. Б. Герн, В. Ф. Петрушевский; 1863 г., А. Нобель) [16, с. 88–89].

Совместно с П. А. Ильенковым и А. И. Ходневым Зинин как член Мануфактурного совета много сделал для развития в России производства жиров, в Академии наук он вместе с Якоби рассматривал вопрос о допустимости применения фосфора в спичечном производстве (1862 г.); давал экспертное заключение на двигатель внутреннего сгорания Шандора, работавший на нефтяном погоне плотностью 0,810 и т. д.; в 1866 г. участвовал в экспедиции на Урал для осмотра рудников и заводов; в 1867 г. вместе с Фрицше, Якоби и Кокшаровым был командирован в Париж на Всемирную выставку, после чего написал брошюру «Об анилиновых красках. Обзор Парижской Всемирной выставки 1867 г.» (СПб., 1868). Разумеется, все эти факты Бутлерову были хорошо известны [12, т. 3, с. 92–116].

22 марта 1880 г. Бутлеров предложил две кандидатуры на вакансию экстраординарного академика: Менделеева и профессора Харьковского университета Н. Н. Бекетова, хотя, как он сам впоследствии писал Ш. Вюрцу, «у нас имеется обычай представлять сразу лишь одного кандидата» [13, с. 260].

Из письма Бутлерова Бекетову от 23 марта 1880 г.:

Вчера Комиссия ... собиралась в первое заседание, и я, руководствуясь моим крайним убеждением, указал на 2 лица как на несомненно первенствующих русских химиков ... — на Вас и Д. И. Менделеева. Комиссия приняла мое мнение, и надо надеяться — сохранит его. <...> Условия академической службы Вам, конечно, более или менее известны: к услугам нового химика — казенная квартира ... жалованье экстраординарному, за вычетом квартирных двухсот рублей, — 1800 руб. (в год. — *И. Д.*), если он не занимает другого казенного места, если же занимает, то 1200 руб.; жить, разумеется, постоянно в Петербурге (где, как Вы знаете, нетрудно найти преподавание, если желаете); вакансии — как в Университете. <...> Так как официальное название места «Академик по технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам», то хорошо указать работы (к представлению прилагался список напечатанных трудов кандидата. — *И. Д.*), имеющие прикладное значение. Ординарный академик получает 2700 и 300 квартирных [13, с. 239].

Из письма Бекетова Бутлерову от 28 марта 1880 г.:

Я некоторое время колебался, но, наконец, решился предоставить это дело голосу Академии — для меня это единственный и, по всей вероятности, последний случай попасть в лучшую научную обстановку, не говоря уже обо всем остальном, что привлекает меня в Петербурге. Правда, если бы мой переход состоялся, то я теряю в материальном отношении, но так как с будущего академического года я стану получать пенсию, то это кое-как пополнит мой бюджет. Я понимаю, что имею очень сильного конкурента, положение которого в науке стоит очень высоко, и я ему вполне отдаю справедливость, однако в пользу мою говорит простой челове-

ческий аргумент, на который я откровенно и хочу Вам указать. Дм. Ив. Менделеев уже так хорошо обставлен в научном отношении (квартира и своя отдельная лаборатория при ней, отдельный лаборант и достаточные суммы), да и в материальном отношении, что для него звание академика — только личный почет и роскошь, а для меня это существенная помощь для моих научных занятий. Эти соображения навели меня на мысль — может быть, невозможную для исполнения, но я Вам ее сообщаю — не может ли Академия выбрать нас обоих: Менделеева сверхштатным ординарным, а меня экстраординарным [19, с. 56–57].

Добрейший (как его величали современники) Николай Николаевич, явно спутавший Академию с благотворительным фондом, не только поделился с Бутлеровым самым сокровенным, тем, что он назвал *мыслью*, но и приложил список своих трудов, из коего следовало, что работ у него по прикладной химии, прямо скажем, не густо, в чем харьковский профессор откровенно сознался: «Что же касается до технических приложений химии, то могу указать только на исследование действия CO_2 и паров воды на сернистый кальций (CaS)». А потом добавил: «Я все время читал публичные лекции по *технической химии*» [19, с. 58]. Но Александр Михайлович, видимо, посчитал, что для Российской академии и того довольно. Тем более что крупных специалистов по прикладной химии, достойных академического звания, в то время в России не было. Далее я вернусь еще к позиции Бекетова, а теперь посмотрим, как развивались переговоры Бутлерова со вторым предложенным им кандидатом на академическую вакансию.

Из записки Бутлерова Менделееву:

Заходил к Вам, но, к сожалению, не застал. Виноват в том, что вчера говорил с Вами, не справившись в точности с Уставом Академии, который теперь прилагаю, прося прочесть § 64-й (в этом параграфе указывалось на необходимость кандидату дать «письменное удостоверение готовности его к принятию предложенного места» [15, с. 104] — *И. Д.*) ... Вероятно, нашей Комиссии придется к Вам обратиться официально с вопросом, и я считаю долгом исправить сказанное мной вчера в том смысле, что вопрос является уже не частным делом, а исполнением требования Устава [13, с. 225]².

4 апреля 1880 г. Менделеев написал для журнала «*Berichte Deutsche Chemische Gesellschaft*» заметку «*Zur Geschichte der periodischen Gesetzes*» («К истории Периодического закона»), где, отстаивая свой приоритет, заявил: «г. Лотар Мейер раньше меня не имел в виду Периодического закона, а после меня нового ничего к нему не прибавил» [20, с. 403].

Как назло, приоритетная полемика разгоралась в самый неподходящий момент, накануне выборов в Академию.

Из заключительного раздела лекций Бутлерова по истории химии, прочитанных им в Петербургском университете в 1879/80 учебном году:

Гёте как-то сказал, что наука есть растение, развивающееся независимо от тех лиц, которые занимаются изучением его, и дающее бутоны, которые срывает тот, кто вовремя подвернется, когда этот бутон расцвел. Одним из таких бутонов в настоящее время является изучение признаков элементарных веществ. Нет сомнения, что весьма важный шаг в этом деле положен классификацией Д. И. Менделеева и Лотара Мейера [12, т. 3, с. 280].

² Записка не датирована, но из приводимого далее ответа Менделеева ясно, что она относится к началу апреля 1880 г.

6 апреля 1880 г. Из письма Менделеева Бутлерову:

Благодарю за присылку Устава Академии и спешу Вам возвратить его. <...> Я понимаю это так: будет предложение от Комиссии места, на него и следует дать письменный ответ.

Комиссия, понятно, состоит не из одного лица и по смыслу Устава может представить не одного кандидата. Это я понимаю и ответ дам, конечно, в том смысле, какой сочту за наиболее справедливый. Когда Вы говорили со мной, дело было совершенно иным: Вы прямо сказали, что Вы считаете двух равными и от одного имеете письменное согласие. На Ваше желание получить его от меня я, по существу дела, должен был смотреть как на мое искательство встать другому на дороге. <...> И этого другого я люблю и уважаю. Я инстинктивно разобрал дело так: Вы спрашиваете моего отказа, а не согласия. Оттого и говорю, что Вам не могу дать ни согласия, ни отказа. Если Вам нужен отказ — не представляйте. Если нужно согласие — то чье же? Одно Вы имеете [13, с. 381]³.

Хотя на письме этом стоит помета «не отправил», тем не менее нельзя исключать, что свою позицию раздраженный Дмитрий Иванович до Бутлерова все-таки довел. Но как бы там ни было, события вскоре приняли новый оборот.

Из письма Бутлерова Бекетову от 10 апреля 1880 г.:

... Во вчерашнем заседании Комиссии произошло то, чего я отчасти ожидал: был предложен третий кандидат, Ф. Ф. Бейльштейн, с требованием со стороны одного из членов Комиссии, чтобы он был представлен *en aequo* (на равных. — *И. Д.*) с обоими Вами. На такое уравнение я согласиться не мог и должен был предоставить себе право заявить, в дополнение к донесению Комиссии, что я могу указать лишь на двоих как на первенствующих. Соглашение между нами достигнуто быть не могло, и Комиссия собираться более не будет, а по истечении 6-месячного срока, на который Комиссия назначается согласно «Положению», отдельные ординарные академики, соединившись в числе трех, получают право представлять к избранию своих кандидатов [21, с. 239].

Как резонно заметил Г. В. Быков, «выдвижение на равных в Академию наук Менделеева и Бекетова (при том, что с последним вопрос был согласован раньше, чем с первым. — *И. Д.*) ... выглядит по меньшей мере подозрительно» [21, с. 71].

Из статьи Бутлерова в газете «Русь» (1882 г.):

... Академик Кокшаров желал найти компромисс и соглашался на внесение в список всех троих кандидатов. Такому внесению не противоречил и я (здесь версия Бутлерова несколько расходится с тем, что он же писал 10 апреля 1880 г. Бекетову. — *И. Д.*), предоставляя себе право изложить пред Академией мое мнение об их научных заслугах. <...> Но академик Вильд, а за ним и академик Гадолин не пожелали этого, и комиссия предпочла не делать никакого донесения ... [12, т. 3, с. 127].

14 октября 1880 г. Н. Н. Бекетов отправляет Бутлерову письмо, в котором, в частности, было сказано:

Что касается моей кандидатуры в Академию, то мой брат⁴, вероятно, уже передал Вам мое желание не баллотироваться — мне тяжело было отказаться от надежды попасть в члены Академии, но по зрелому обсуждению — это для меня невозмож-

³ Оригинал письма хранится в НАМ СПбГУ, I-30-1-A-9.

⁴ Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902) — ботаник, ректор Петербургского университета в 1876–1883 гг.

но. В мои годы уже нельзя рисковать, а пришлось бы с трудом существовать в Петербурге [19, с. 59]⁵.

28 октября 1880 г. академики Бутлеров, Чебышев, Овсянников и Кокшаров внесли представление об избрании в экстраординарные академики Д. И. Менделеева. Представление было оглашено на заседании ФМО, которое определило: «Баллотирование г. Менделеева ... произвести ... 11 ноября» [7, с. 201–207]. К тексту представления был приложен список трудов претендента, состоявший из 59 названий [3, с. 321–322].

Вольный казак в интерьерах Академии ученого труда

Прервем на время нашу хронологию и рассмотрим ситуацию, сложившуюся накануне выборов, а также позиции некоторых участников этой истории. Начну с Бекетова.

На первый взгляд — жаль старика. Как в молодости ему приходилось за неимением посуды в лаборатории Зинина работать «в битых черепках» [12, т. 3, с. 104], так и в преклонных летах он страдал от недостатка средств. Хотя почему «старик»? В 1880 г. Бекетову исполнилось 53 года, это еще не старость, тем более что средняя продолжительность жизни российских химиков в XIX в. была около 67–70 лет. Но главное не в этом. В жалобах и оговорках Николая Николаевича чувствуется какая-то фальшь или, в лучшем случае, — недоговоренность. Давайте посчитаем немного чужие деньги, коли уж сам их обладатель столь упорно ссылается на убытки, которые ему могло принести членство в Академии.

С 1862 по 1887 г. Бекетов состоял ординарным профессором Харьковского университета и, согласно университетскому Уставу 1863 г., получал до сентября 1880 г., т. е. до 25-летней выслуги, 3000 руб. в год. В сентябре 1880 г. он был оставлен еще на пять лет в качестве ординарного профессора, и ему была назначена пенсия в размере 1143 руб. 68 коп. *сверх* получаемого содержания (казенная квартира прямо в университете ему была выделена еще в 1860 г.). В случае выбора в экстраординарные академики Николай Николаевич получал бы 2000 руб. Да, официально пенсия в этом случае не сохранялась, но реально, если материальное положение академика признавалось стесненным, пенсию ему выплачивали, примером чему может служить ситуация с академиком В. Г. Имшенецким [23, с. 43–45]. Но даже в самом «худшем» случае, т. е. если бы он занял еще одно «казенное место» и Академия платила бы ему только 1200 руб. в год, ему все равно вполне хватило бы на жизнь, ведь не задаром же он трудился бы на своей второй службе. Поэтому непонятно, о каком риске изволил говорить третий химик Российской Империи.

⁵ Позже, 9 декабря 1881 г., Н. Н. Бекетов еще раз объяснил Бутлерову свою позицию: для него (Бекетова) «лично избрание в экстраординарные или ординарные [академики] сводится только к вопросу о материальных средствах, а не к вопросу ... самолюбия» [19, с. 63]; по материальным же соображениям для него приемлемой могла быть лишь баллотировка прямо в ординарные академики (в качестве прецедента Бекетов ссылается на пример математика В. Г. Имшенецкого); и, наконец, крайне желательно для Николая Николаевича было бы баллотироваться по кафедре «чистой», а не прикладной химии. Но последнее могло произойти только после смерти (или ухода из Академии) Бутлерова. Кстати, так и случилось — 5 августа 1886 г. Александр Михайлович скоропостижно скончался, а 15 декабря того же года Николай Николаевич по представлению Н. И. Кокшарова, Г. И. Вильда, Ф. Б. Шмидта, А. В. Гадолина и А. П. Карпинского был почти единогласно избран ординарным академиком по кафедре чистой химии [22, с. 33].

Теперь о Бутлере. Его положение было, разумеется, не из легких. Надо отдать должное Александру Михайловичу — он сумел подняться над своими личными обидами на Менделеева⁶, однако шансов у последнего пройти в Академию было очень мало, и Бутлеров, сознавая это обстоятельство, ждал, что Дмитрий Иванович возьмет самоотвод. Но — не дождался, самоотвод взял Бекетов, после чего Бутлерову оставалось либо согласиться на выдвижение Бейльштейна, — но это означало уступить своим оппонентам в Академии и заслужить порицание своих коллег и укоры совести, — либо предложить кандидатуру Менделеева и отстаивать ее до конца.

Следует также сказать и о главном герое этой истории — Дмитрие Ивановиче Менделееве. Подавляющее число современников, как и абсолютное большинство потомков, включая историков науки, были твердо убеждены, что именно он, как никто другой, заслуживал академического кресла, что он непременно должен был быть избран. Этой уверенностью пронизано и представление его в академии.

Однако попробуем посмотреть на вещи с холодным вниманием, без заламывания рук и закатывания глаз. Попробуем оценить ситуацию «изнутри», как она сложилась к 1880 г. Для этого обратимся к тексту упомянутого выше представления. Последнее состоит из трех тематических блоков (не считая вводных констатаций, занимающих 3,5 % текста):

- Менделеев как первооткрыватель Периодического закона (59,4 % текста);
- вклад Менделеева в развитие технологии и технической химии (29%), в том числе: его ранние работы прикладного характера плюс «Технология по Вагнеру» (4,5%); технико-экономические вопросы нефтяного дела (6,3%); гипотеза минерального происхождения нефти (12,6% !); сельскохозяйственные опыты (5,6%);
- общие восторженные фразы-призывы (8,1%).

Как видим, основной упор сделан на открытии Периодического закона и создании Периодической системы химических элементов. И это понятно — в 1875 г. французским химиком П.-Э. Лекоком де Буабодраном был открыт галлий, т. е. предсказанный Менделеевым экаалюминий, а в марте 1879 г. Л. Нильсон открыл скандий, который, как установил П. Клеве, представлял собой предсказанный Менделеевым экабор. После этих открытий многие химики утвердились во мнении, что менделеевская «естественная система химических элементов» выражает фундаментальный закон природы, физический смысл которого оставался пока неясным.

В представлении указывается, что Периодический закон «является ... главной опорой и руководителем при развитии знаний о самых существенных свойствах простых веществ», ибо «то, что казалось до него ничем не связанным и случайным,

⁶ Последний резко критиковал бутлеровскую теорию химического строения (причем не столько в научных журналах и монографиях — этим занимался Н. А. Меншуткин, — сколько в «Основах химии», т. е. в учебнике, предназначенном для широкой студенческой, и не только студенческой, аудитории), а также увлечение Бутлерова спиритизмом (к тому же полемика носила порой очень жесткий характер). Кроме того, Менделеев, который с 1865 г. держал за собой обе университетские кафедры химии, когда в 1866–1867 гг. встал вопрос о приглашении Бутлерова в Петербургский университет, не хотел уступать тому ни одной из них и выдвигал последнему заведомо неприемлемые условия. Наконец, 11 мая 1868 г. физико-математический факультет, не обращая внимания на недовольство Менделеева, избрал Бутлерова ординарным профессором без указания кафедры, а затем уже для него была создана кафедра органической химии. Тогда 13 мая 1868 г. Менделеев выступил в Совете университета с блестящей характеристикой научной и педагогической деятельности своего казанского коллеги. Подробнее об отношениях Менделеева и Бутлерова см. [10, гл. 4; 21, с. 70–71].

является теперь, благодаря этому закону, органической частью стройного целого» [7, с. 201–202].

Кроме того, авторы представления цитируют восторженные слова в адрес Менделеева и его открытия нескольких зарубежных химиков: Ш.-А. Вюрца, Т. Карнелли, А. Готье, Л. Нильсона и Л. Мейера (последнего особенно обильно), — но ни одного российского⁷.

А между тем зарубежная ситуация с признанием Периодического закона и Периодической системы к 1880 г. в действительности, как показали тщательные исследования [24; 25], складывалась отнюдь не так, как это отражено в представлении.

Общая картина была следующей: в западной научной литературе о Периодическом законе в 1875 г. упоминалось только 8 раз; в 1876 г. — 24 раза; в 1877 г. — 11; в 1878 г. — 12; в 1879 г. — тоже 12 и в 1880 г. — 13 раз (причем эти цифры включают и иностранные публикации самого Менделеева); в учебной же и в справочной литературе закон упоминался: в 1875 г. лишь 1 раз; в 1876 г. — ни разу; в 1877 г. — 4 раза; в 1878 г. — 5 раз; в 1879 г. — 1 раз и в 1880 г. — ни разу. Вообще в учебную литературу Периодический закон более или менее широко начал внедряться только в 1890-х гг. Да что говорить об иностранных учебниках, если сам Дмитрий Иванович наиболее последовательно провел «начало периодичности», подчинив этому началу *всю* логику изложения химии элементов, лишь в 5-м (1889 г.) издании своего учебника «Основы химии», заметив при этом: «... Мне желательно было показать в элементарном изложении химии обязательную пользу приложения Периодического закона, явившегося передо мною в своей целостности именно в 1869 году, когда я писал это сочинение. Но тогда единоличное убеждение не позволяло ставить его столь твердо, как это можно сделать ныне, после того как труды многих химиков, особенно же Роско, Лекока де Буабодрана, Нильсона, Браунера, Торпе, Карнелли, Лаури, Винклера и др. оправдали множество следствий этого закона...» [26, с. VI].

В России признание и восприятие Периодического закона шло еще более вяло, чем на Западе. Так, в мае 1874 г. В. Ю. Рихтер опубликовал «Учебник неорганической химии по новейшим воззрениям», в котором изложение строилось на основе Периодической системы. Другим примером использования — хотя и не вполне последовательного — закона периодичности в учебной литературе служит «Учебник химии» преподавателя Первого реального училища в Петербурге С. И. Ковалевского [27, с. III, 218–220].

Но вот характерный пример иного рода: в 1876 г. вышел русский перевод американского руководства по химии, составленного профессором химии и минералогии Гарвардского университета Джозайем Куком, с многообещающим названием «Новая химия» [28]. Редактором перевода был Бутлеров, которого книга Кука привлекла широким использованием структурных представлений и формул, но который даже не подумал включить в нее хотя бы несколько слов о Периодическом законе — при том, что редакторские примечания в русском издании имеются.

Авторы представления цитируют похвальные слова Вюрца о Периодическом законе, но, естественно (естественно для жанра панегирика, в котором написано представление), опускают те места в «*La Théorie Atomique*», где Вюрц высказывает сомнение относительно роли менделеевских предсказаний в утверждении закона. Французский химик, соглашаясь с тем, что открытие галлия заставляет отнести к

⁷ Ссылка на слова Н. А. Меншуткина — «теперь ему (т. е. Периодическому закону. — И. Д.) отведено подобающее его значению место» — маловыразительна и в известной мере случайна. Эта фраза взята из записки об ученых трудах Менделеева, составленной для Совета Петербургского университета по поводу желательности оставления его на службе по истечении (17 августа 1880 г.) 25-летней выслуги еще на пять лет.

Периодической системе с полной серьезностью, тем не менее полагал, что само по себе оно еще не может служить веским подтверждением закона Менделеева. Все же предсказанный (68) и экспериментально определенный (69,9–70) атомные веса Ga «заметно отличаются», и если бы Менделееву довелось прогнозировать, скажем, свойства кобальта, то ему вряд ли удалось бы правильно предсказать атомный вес этого элемента, который почти не отличается от атомного веса никеля [29, с. 112–117].

Весьма критически — даже после 1875 г. — к открытию Менделеева были настроены Г. Копп, А. Кекуле, Р. Бунзен, А. Э. Сент-Клер Девиль, М. Бергто, Н. Вурбов и многие другие известные ученые [30; 31; 32; 33, с. 240].

Из воспоминаний А. Ладенбурга:

... В первые годы моего пребывания в Киле (Ладенбург переехал туда в 1873 г. — *И. Д.*) я ... заезжал на один или несколько дней в Гейдельберг. В одно из таких посещений я встретился ... с Германом Коппом, который мне сообщил: «На этих днях мы (мы — значило Бунзен и Копп) получили вопрос, кого мы считаем более достойным и более пригодным в качестве члена Императорской Русской Академии — Бейльштейна или Менделеева. Мы, разумеется, предложили Бейльштейна ... (цит. по [7, с. 216]).

Большинство химиков того времени относились к проблеме рациональной классификации элементов с полным равнодушием. В глазах значительной части химического сообщества это был скорее натурфилософский вопрос, нечто из области высших созерцаний, к тому же сильно отягощенный приоритетной полемикой и разного рода спекуляциями о первичной материи, сложности элементов и т. п. малодоказуемыми вещами. К стати, Бутлеров, упоминаемая в приведенной выше цитате из лекций по истории химии (весна 1880 г.) о классификациях Менделеева и Мейера, также связывает их с вопросом «о внутреннем строении частиц» [12, т. 3, с. 280].

В целом же в науке второй половины XIX столетия статус классификационных поисков, независимо от глубины использовавшихся таксонометрических принципов и прогностических успехов предлагавшихся схем и систем, был относительно невысок. Подавляющее большинство естествоиспытателей предпочитали, говоря словами Зинина, «заниматься делом»⁸. Что же касается Периодического закона, то анализ литературы конца 1870 — начала 1880-х гг. подтверждает вывод авторов «Летописи»: «Учение о периодичности было разработано Д. И. Менделеевым (речь идет о третьем — 1877 г. — издании «Основ химии». — *И. Д.*) настолько, насколько позволял уровень современных ему знаний. И все же оно не проникло еще должным образом в сознание большинства химиков, видевших в периодической системе лишь одну из многочисленных классификаций элементов. Даже открытие галлия

⁸ В конце 1869 г. Зинин посоветовал Менделееву: «Пора заняться работой». Тот смолчал, но потом, 24 декабря 1869 г., написал Николаю Николаевичу довольно резкий ответ (который, правда, не послал адресату), где заявил, в частности: «Разработку фактов органической химии (что, видимо, добивался от него Зинин. — *И. Д.*) считаю в наше время не ведущей к цели (неясно, правда, какой именно. — *И. Д.*) столь быстро, как то было 15 лет тому назад, а потому мелочными фактами этой веточки химии заниматься не стану, моя хата с краю ...» (цит. по [4, с. 99–100]). Зинин поначалу скептически отнесся к работам Менделеева по системе элементов, но, прочитав в феврале 1871 г. статью Дмитрия Ивановича «Естественная система ...» (ЖРХО. 1871. Т. 3. Вып. 2. С. 25–56), воодушевился и отписал автору сердечное письмо с похвалой: «Очень, очень хорошо, — премного отличных сближений, — даже весело читать». Для естествоиспытателя того времени это была именно «веселая наука», не более. Как говаривал в подобных случаях профессор С. А. Щукарев: «Любопытно, знаете ли ...».

существенно не изменило этой точки зрения, хотя в действительности послужило ярким примером «дееспособности» менделеевской системы» [6, с. 197]. Поэтому неудивительно, что Бутлеров (главный, если не единственный автор текста представления), с одной стороны, и многие члены ФМО АН (особенно физики) — с другой, смотрели на заслуги Менделеева в деле создания рациональной классификации элементов, мягко говоря, несколько по-разному, и последних текст представления коробил своим, говоря сегодняшним языком, откровенно рекламным характером.

Еще меньшее впечатление могло произвести на академиков упоминание о «Технологии по Вагнеру» (переименованной затем в «Техническую энциклопедию»), где Менделеев выступал главным образом в качестве редактора, тогда как написанные им дополнения носили явно компилятивный характер.

Далее в представлении упоминаются работы Дмитрия Ивановича по нефти, основным результатом которых (речь шла преимущественно о книге «Нефтяная промышленность в С.-А. Штате Пенсильвании и на Кавказе», СПб., 1877) — «сложение с нефти акциза». Заслуга Менделеева в этом деле бесспорна (см. [34]), но его выбирали не в Мануфактурный совет Министерства финансов, а в Академию наук, и не по экономике, а по химии, хоть и прикладной. Впрочем, в представлении говорится и о «важном научном плоде» менделеевских поездок в «нефтяную область Кавказа» — теории минерального происхождения нефти. При этом авторы или, точнее, автор представления (Бутлеров) позволил себе лукаво поиграть словами «гипотеза» и «теория»: «Отвергая наиболее распространенную органическую гипотезу ее (нефти. — *И. Д.*) образования, наш ученый дает свою минеральную теорию ...» [7, с. 205]. Разумеется, Бутлеров понимал, что обе концепции происхождения нефти — не более чем гипотезы, но под гипотезу академическое кресло не дают.

И последняя заслуга «нашего ученого», упоминаемая в представлении, — «сельскохозяйственные опыты, произведенные по почину проф. Менделеева, по его идее и под его руководством в Императорском Вольном Экономическом Обществе» [7, с. 205]. Но опять же не приводится ни одного конкретного результата, указано лишь, что анализы почв и продуктов с опытных полей «были мастерски обработаны Менделеевым и привели его при помощи искусных, остроумных сопоставлений к весьма поучительным выводам» [7, с. 205]. К каким? Об этом в представлении умалчивается, как умалчивается в нем и о грандиозном цикле исследований Менделеева 1870-х гг. по физике газов (об этих работах см. [10, гл. 3; 35; 36]). И это умолчание — отнюдь не результат забывчивости Бутлерова.

Поначалу исследования газов носили характер «кабинетных занятий», но после того как с ними познакомился председатель Императорского Русского технического общества (РТО) П. А. Кочубей, перед Менделеевым открылись новые перспективы. Благодаря усилиям Кочубея и великого князя Константина Николаевича (почетного председателя РТО) Военное и Морское министерства выделили на менделеевские опыты по 5000 руб. каждое. Была также создана специальная комиссия под председательством академика А. В. Гадолина для содействия этим работам. С самого начала было оговорено, что Менделеев будет изучать поведение газов не только при очень низких, но и — что особенно интересовало военных — при высоких давлениях. Казалось бы, все прекрасно. Но вскоре начались «недоразумения».

12 марта 1874 г., т. е. за семь месяцев до выдвижения Дмитрия Ивановича на звание адъюнкта АН, Н. Н. Зинин представил ФМО записку Менделеева и М. Л. Кирпичева об упругости разреженного воздуха [37, с. 288–289]. Отделение постановило передать рукопись на рецензию академикам Зинину и Г. И. Вильду, которые, внимательно изучив изложенные в ней результаты (главный состоял в том, что при низких давлениях имеют место отклонения от закона Бойля-Мариот-

та) и осмотрев аппаратуру, на которой эти результаты были получены, заявили (9 апреля 1874 г.), что они не в состоянии вынести определенное суждение о справедливости приведенных в статье выводов, а потому предлагают напечатать заметку Менделеева и Кирпичева в «Бюллетене» Академии «под ответственность авторов за ее содержание» [38, с. 469]. Дальнейшие исследования полностью подтвердили сомнения Зинина и Вильда — все якобы наблюдавшиеся «отклонения» от закона Бойля-Мариотта не превосходили погрешностей измерения.

Вильд был первоклассным конструктором тонких научных приборов, и его наметанный глаз сразу уловил несовершенство менделеевской методики. Тонкую и точную характеристику Менделееву-экспериментатору дал академик П. И. Вальден:

...У него (Менделеева. — И. Д.) было слишком много идей; его живой ум увлекал его все к новым проблемам; его научная фантазия была неисчерпаема, но для узко ограниченных вопросов у него не хватало выдержки, а может быть и школы (тренировки), так как в свое время он отказался от представлявшейся возможности пройти эту школу у старого маэстро Бунзена. Как экспериментатор он был, как говорят американцы, *self made man*, самоучка, со всеми его достоинствами и недостатками; он видел трудности там, где их не было, при этом мог игнорировать действительные ошибки. И тем не менее он был на редкость точный и осторожный наблюдатель ... (цит. по [7, с. 154]).

В марте 1875 г. Менделеев представил в РГО первую часть отчета о своих экспериментах по физике газов, после чего он «стал получать напоминания о скорейшем представлении дальнейших отчетов, указания на желательность исследования, в первую очередь упругости газов при больших давлениях, что интересовало морское и военное ведомства, а не при малых, которыми очень заинтересовался сам Д. И.» [7, с. 184–185]⁹. В результате лица, формально взявшие на себя ответственность перед правительством за проведение исследований газов, — Кочубей, Гадолин и секретарь РГО Ф. Н. Львов — оказались в весьма неприятной ситуации, тем более что тон ответов Менделеева становился все более резким и в апреле 1878 г. он вообще отказался от денег под надуманным предлогом.

Из письма Менделеева Ф. Н. Львову от 22 апреля 1878 г.:

Ваше отношение к моему проекту выдачи денег служителю из процентов имеющих сумм мне показалось столь неладным, что я немедля по возвращении домой беру назад свое желание и отдаю Ваше согласие. Иными словами, денег, отпущенных на опыты, я не возьму. <...> Так мне покойнее и лучше. А в этом деле мой покой и мое «лучше» я считаю важнее и существеннее не только приличий или огорчения... других, но даже и того обстоятельства, что Вы сочтете мое письмо и мой отказ за повод к какому-либо недоразумению. <...> Я — вольный казак — хочу остаться вольным и им останусь во всяком случае (цит. по [7, с. 185]).

Как же после всего этого должны были относиться к Менделееву те же Вильд¹⁰ и особенно Гадолин?! Здесь уместно вспомнить замечания столь нелюбимого

⁹ Менделеева интересовали малые давления потому, что он искал мировой эфир (подробнее см. [10, гл. 3; 39]).

¹⁰ Здесь уместно упомянуть также о полемике между Менделеевым и М. А. Рыкачевым (см. [40; 41]). Хотя сама идея Менделеева о важности изучения верхних слоев атмосферы для метеорологических целей была правильна, однако его вычисление температуры у границ однородной атмосферы оказалось ошибочным (см. [42, с. 144–145]). Рыкачев был ассистентом и учеником академика Г. И. Вильда, и их обоих, профессиональных метеорологов, несколько раздражала менделеевская безапелляционность в суждениях.

«прогрессивной общественностью» неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского о своеобразном характере российского храма науки по сравнению с аналогичными постройками в Западной Европе. «Последние все, — разъяснял Константин Степанович, — более или менее, так сказать, академии почета: они дают своим членам громкое имя, как бы признание их знаменитости, но не доставляют им самостоятельного положения, а потому не возлагают на них и особенных обязательств. Наша Академия, напротив, есть, так сказать, Академия ученого труда. Она поставлена правительством в самостоятельное положение, снабжена большими учеными средствами и принадлежностями..., дает своим членам средства самостоятельного существования, сравнительно (с другими академиями) высокий оклад, казенное помещение и взамен требует от них ученые труды» [43, л. 1].

В контексте моей статьи важно не только то, что член Российской академии наук — это прежде всего госслужащий, со всеми вытекающими отсюда пренебрежительными последствиями, но и то, что Санкт-Петербургская академия наук — это академия *ученого труда*, я бы добавил — *совместного* ученого труда. И в такой академии «вольный казак» Менделеев со своей, как бы это помягче сказать... «патриархальной бесцеремонностью»¹¹ и притом убежденный, что «научное дело... так сказать, коллегиально или коллективными силами делаться не может» [44, с. 246], способный в любую минуту бросить начатую совместную работу потому, что ему так «лучше», разумеется, был лицом нежелательным. Бутлеров, *enfant terrible* тогдашней Академии, конечно, тоже создавал ей немало хлопот, но он при этом был человеком куда более надежным в делах и куда менее капризным. А то, что с Менделеевым не только общаться, но порою совместно работать было нелегко, отмечали многие.

Из письма В. В. Марковникова Бутлерову от 31 октября 1867 г.:

Менделеев ... до такой степени привык царствовать в факультете, что не может равнодушно выслушивать каких бы то ни было возражений. Меншуткин у него не более как приказчик [19, с. 246].

Замечу, что это было написано до открытия Периодического закона.

Из воспоминаний С. Ф. Глинки:

На другой день после заседания Академии, на котором была решена судьба Менделеева, мне случилось зайти в академическую библиотеку, и при мне шел разговор между академиком и лицом из штата библиотеки; академик говорил, что невозможно Менделеева допустить в Академию из-за его тяжелого характера; других причин неизбрания Менделеева ... он не приводил [45, с. 95–96]¹².

Мне однажды, еще при жизни А. М. Бутлерова, пришлось слышать следующее мнение о нем и о Д. И. Менделееве: из профессоров университета самый умный —

¹¹ Я воспользовался словами Бутлерова о Зинине [12, т. 3, с. 98].

¹² Разумеется, Дмитрий Иванович, человек в душе незлой, не был бы великим ученым, если б не подвел под свое поведение научную базу (пусть даже и шуточную). «Конечно, нельзя отрицать, — вспоминал В. Е. Тищенко, — что нрав у него был крутой, но он был вспыльчив, да отходчив. Слушать его крик, воркотню было иногда нелегко, но мы знали, что он кричит и ворчит не со зла, а такова уж его натура. Вероятно, в шутку он говорил, что держать в себе раздражение вредно для здоровья, надо, чтобы оно выходило наружу. “Ругайся себе направо-налево и будешь здоров. Вот Владиславлев (М. И. Владиславлев (1840–1890) — философ, с 1887 по 1890 гг. ректор Петербургского университета. — И. Д.) не умел ругаться, все держал в себе и скоро помер”» [45, с. 48]. Ох, и прав был мудрый Дмитрий Иванович: воспитанный человек в России не жилец.

Бутлеров, самый талантливый — Менделеев. Отзыв этот шел из Военно-медицинской академии, по-видимому, от знаменитого С. П. Боткина и А. П. Бородина. Категорические определения и характеристики таких богатых натур, какими были Бутлеров и Менделеев, неизбежно бывают односторонними, в этом их недостаток, но интересны они в том отношении, что выражают собой взгляд общества на крупных людей, находящихся в их среде [46, с. 197–198].

Из воспоминаний племянницы Менделеева Н. Я. Капустиной-Губкиной:

Во время нашумевшего забаллотирования Дмитрия Ивановича в нашу Академию наук говорили, что немецкая партия Академии его не выбрала именно из-за его беспокойного для них, энергичного характера [47, с. 181].

Свидетельством того, насколько осторожно и щепетильно подходили академики к пополнению своих рядов, учитывая при этом не только чисто научные заслуги претендента, служат воспоминания И. М. Сеченова, где он рассказывает, как члены ФМО присматривались к возможному кандидату: «...[акад.] Брандту... было поручено пригласить меня бывать у него в качестве товарища по Медицинской Академии. <...> Ничего не подозревая, я бывал в его семье в назначенные дни несколько раз и всегда заставал у него там двух академиков-немцев — Шиффнера и Куника. Беседы происходили, конечно, на немецком языке, но без всяких ошутимых подходов узнать мой образ мыслей или степень моей учености. Кажется, это была проба на степень моей культурности, потому что об учености наводились справки у немецких профессоров...» (цит. по [14, с. 57–58]).

Менделеев не вписывался (причем не только своими манерами) в академический стиль. Да и часто ли в истории какая-либо корпорация, поставленная перед альтернативой «талантливый — покладистый», делала выбор в пользу первого (если, конечно, на то не было каких-то форс-мажорных обстоятельств или необоримого давления извне)? Отдельный человек (скажем, лидер или руководитель) такой выбор сделать может, корпорация — практически никогда. Вернемся, однако, к хронологии событий.

Из «Записок и воспоминаний» К. С. Веселовского:

...Упрямый и злобствовавший на Академию Бутлеров предложил на него (т. е. на вакантное место. — *И. Д.*) Менделеева, зная очень хорошо, что в пользу этого кандидата не составится необходимого большинства голосов, но злорадно рассчитывал на скандал. Устранить опасность, как прежде, с помощью «предварительного вопроса», было нельзя (вот досада! — *И. Д.*), так как место технолога было положено по Уставу и было в то время вакантно. Единственным средством устранить скандал забаллотировки было право veto, предоставленное Уставом Президенту. Поэтому по желанию большинства академиков я отправился к Литке, указал ему на почти полную несомненность отрицательного результата баллотировки, на скандал, какой может произойти...

Сколько ни толковал я это непонятливому старику, он никак не соглашался, говоря: «Да на каком же основании могу я не позволить Бутлерову внести в Академию его предложение?» — Как я ни бился с ним, не мог ему втолковать, что право президентского veto не значит, что Президент должен входить в оценку ученых заслуг предложенного кандидата... но применение означенного права совершенно уместно и даже обязательно в тех случаях, когда предвидится отрицательный результат баллотировки и нежелательные от него последствия. Ничего не помогло: баллотировка состоялась, Менделеев оказался забаллотированным к великой радости тех, которые устроили весь скандал в виде объявления войны Академии. Но

всего курьезнее было то, что Литке, не соглашавшийся отклонить своей властью баллотировку, положил Менделееву... свои два черных шара. Какова логика, каково понятие просто о приличии — дозволить баллотировку и положить черняки.

В извинение Литке можно сказать лишь одно — пассаж с баллотировкой Менделеева относился к последним годам жизни престарелого президента¹³, когда он уже был не способен ярко мыслить, когда, казалось, и самый мозг его подвергся отвердению; в это время он мог считаться почти в состоянии невменяемости» (цит. по [7, с. 210]).

Когда Веселовский внушал Литке, что «большинство» академиков не проголосует за Менделеева, он имел в виду, что Дмитрию Ивановичу не удастся набрать 2/3 голосов, необходимых для избрания. В самом же ФМО в поддержку Менделеева неизменно выступала ровно половина списочного состава Отделения, поэтому 8 белых шаров (Алексеева, Буняковского, Бутлерова, Кокшарова, Овсянникова, Савича, Фаминцына и Чебышева) ему были гарантированы, но набрать-то надо было 13 (в случае участия в голосовании президента и неперменного секретаря), и то, что сделать это не удастся, прекрасно понимали и Бутлеров, и Веселовский. Однако последний — как чиновник — никак не мог понять упорства первого: зачем проталкивать заведомо непроходимую кандидатуру? Чтобы разразился очередной скандал? Но это, как бы сейчас сказали, контрпродуктивно. Скандалами Академия неререформируема. (Она, как выяснилось, вообще неререформируема в своих глубинных основаниях.) Бутлеров же — как химик, исходя из чисто научной стороны дела, не мог не выдвинуть кандидатуру Менделеева.

Разумеется, Дмитрий Иванович мог бы и сам без труда просчитать ситуацию, но почему-то этого не сделал. Видимо, зная себе цену, надеялся на весомость своих научных заслуг. Но ведь речь-то шла об избрании в *российскую* Академию наук, а не в какое-нибудь *Royal Society*. Так при чем же тут чисто научные заслуги, к тому же для многих *в то время* еще отнюдь не очевидные!?

Что же касается поведения Литке, то тут Веселовский неправ совершенно. Ничего у того в мозгах не затвердело. Человек, почти восемнадцать лет просидевший в кресле президента Императорской академии наук, *в таких вопросах* ориентируется мгновенно даже на смертном одре. Зачем навлекать на себя лично волну общественного недовольства, открыто запрещая баллотироваться Менделееву, — тем более без оценки его ученых заслуг, — только на том основании, что кто-то в ФМО по причинам исключительно глубокомысленного свойства не хочет видеть Дмитрия Ивановича своим «сочленом»? Веселовский хотел спрятаться за президентское «вето» Литке, а тот ему этого удовольствия не доставил. Выкручивайся, мол, Константин Степаныч, сам, а меня уволь, я в полном маразме.

В целом же мемуары Веселовского ошеломительно правдоподобны именно потому, что автор даже не пытается самооправдаться или выкрутиться за счет утомительного перечисления не относящихся к делу деталей. Подобно тому как подавляющее большинство российского научного сообщества, включая и Бутлерова, которому пришлось немало претерпеть от Менделеева, было абсолютно уверено, что Дмитрий Иванович *должен* быть избран в Академию наук («если не он, так кто же?»), Веселовский и компания столь же неколебимо были убеждены в обратном («кто угодно, только не он»). Как администратор охранительного закала, последний, разумеется, скандала не хотел и в создавшейся ситуации действовал точно так же, как действовали до него и действуют до сих пор, причем не только в хра-

¹³ Граф Федор Петрович (Фридрих-Вениамин) Литке (Litke) скончался в 1882 г. на 88-м году жизни.

мах науки. И это не потому, что Академия плоха, это стандарт человеческого поведения. Разве были членами нашей «большой» Академии наук Ю. М. Лотман и А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили и Гаузе? Российская академия по самой своей природе не может быть только собранием *избранных* (по таланту, занятиям и профессиональным достижениям), она может быть только собранием *отобранных par excellence*. И это не хорошо и не плохо. Это — естественно, как снег на полюсе.

Академия наук корпоративна по самой природе вещей, и каналы ее связи с внеакадемическим миром по необходимости специфицированы и ограничены. Внутри этого академического *ordo* есть свои уставные и внеуставные каноны, трудно поддающиеся изменению, тем более в России, которая не имела западного опыта авторитарного плюрализма, а потому многие вопросы здесь ставились с солдатской прямотой: или — или. «Это все вы виноваты! — кричал Веселовский Бутлерову еще в мае 1879 г. — Вы протащили в Академию Фаминцына; вы хотите, чтобы мы спрашивали позволения университета (С.-Петербургского. — *И. Д.*) для наших выборов. Этого не будет. Мы не хотим университетских. Если они и лучше нас, то нам все-таки их не нужно. Покамест мы живы — мы станем бороться» [12, т. 3, с. 125]. Академическая корпорация охраняла свои рубежи от внедрения пассионариев из другой конкурирующей корпорации. И стояла насмерть.

Отгоржение

11 ноября 1880 г., во вторник, в час пополудни, состоялись выборы. Голосовало 18 человек, 16 членов ФМО плюс президент (2 голоса) и непременный секретарь. Менделеев получил 9 «избирательных» и 19 «неизбирательных» голосов, ему не хватило 4 белых шаров [7, с. 207]. «*Tu l'as voulu, George Dandin! Tu l'as voulu...*»

Сохранилась повестка с сообщением об этом заседании, на которой рукою Бутлерова сделана следующая запись:

Очевидно — черные: Литке (2), Веселовский, Гельмерсен, Шренк, Максимович, Штраух, Шмидт, Вильд, Гадолин.

Белые: Буняковский, Кокшаров, Бутлеров, Фаминцын, Овсянников, Чебышев, Алексеев, Струве (!), Савич [13, с. 233].

Можно, конечно, возразить: голосование было тайным, и бутлеровская запись — не более чем гадание. Но весь ход предыдущих и последующих событий, а также все, что известно об отношениях между Менделеевым и членами ФМО, говорит о том, что Бутлеров дал совершенно точный расклад сил.

12 ноября 1880 г., заканчивая лекцию в университете, Менделеев обратился с речью к студентам в ответ на выраженное ими несогласие с избранием его в Академию наук. Объясняя свое отношение к избранию, Менделеев сказал: «Если подставлять ухо хлопанью, то тогда нужно выслушивать и свистки» [6, с. 209].

13 ноября 1880 г. в газете «Голос» была опубликована статья Менделеева «Перед картиною Куинджи», где он высказал любопытные, хотя и не очень глубокие мысли о параллелях в развитии науки и изобразительного искусства.

Реакция научного сообщества и прессы на «позорное голосование» в Академии была острой и — что примечательно — длительной. Конечно, удачное открытие интеллигентами-террористами весеннего сезона охоты на помазанника Божьего несколько отвлекло прессу и образованное российское общество от «академических тевтонов» (со своими бы управиться!), но к началу 1882 г. об Императорской де сиянс Академии вспомнили вновь. На этот раз оживление рыцарей пера вызва-

ла эпопея с попыткой усадить в академическое кресло профессора Ф. Ф. Бейльштейна, но об этом позже.

12 ноября 1880 г. в «Новом времени» А. С. Суворина появилась статья «Немцы-победители», завершавшаяся призывом: «Нам немцев довольно. Есть русские ученые, и если немцы крепко становятся особняком против русского ученого, то они делают это, конечно, для того, чтобы подать пример. Да последуем же этому примеру» [48, с. 2]. Итак, главный виновник назван — немцы, немецкая партия, засевшая в Академии наук. Впрочем, что Академия была «немецкой», ее критики отмечали и ранее (см., к примеру, [5, с. 90; 49]), но после забаллотирования Менделеева тему можно было развернуть во всем блеске. Надо сказать, что «немецкий след» в этой истории отмечали не только суворинские журналисты — о том же писал и Бутлеров, да и сам Менделеев.

До конца 1880 г. четырнадцать обществ и учебных заведений России, включая Киевский, Харьковский, Новороссийский, Казанский и Московский университеты, избрали его своим почетным членом.

Из статьи в «Новостях и Биржевой газете» от 24 ноября 1880 г.:

История с забаллотировкой в Академии проф. Менделеева принимает положительно гомерические размеры и становится вопросом всероссийским, общенациональным. Популярность почтенного профессора возросла и распространилась вдруг, с гораздо большей экспрессией, чем если бы он обогатил науку в стократ важнейшими открытиями, сравнительно с теми, которые им сделаны. <...> В газетах образовалась уже целая литература об его ученых трудах и заслугах, из-за него ломаются перья в полемическом походе против академических тевтонов — «дядюшек» и «племянников».

Теперь остается, чтобы г. Менделеев сам почтил академический ареопаг тоже благодарственным письмом за то, что он, забаллотировав его, оказал ему этим в сущности неоценимую услугу. Ведь благодаря несговорчивости «дядюшек» Менделеев в одну неделю стал одним из популярнейших людей в России! [50, с. 3].

А как сам Дмитрий Иванович реагировал на события?

Из письма Менделеева П. П. Алексееву от 23 ноября 1880 г.:

Выбора в Академию я не желал, им оставался бы недоволен, потому что там не надо [то], что я могу дать, а мне перестраивать себя уже не хочется.

Ни важности заморской, ни солидной устойчивости в объекте занятий, ни напускного священнодействия в храме науки — ничего-то этого во мне быть не может, коли не было (насчет отсутствия «солидной устойчивости в объекте занятий» — это, как говорится, «умри, Денис, а лучше не скажешь». — *И. Д.*). И пришлось бы мне сталкиваться, а теперь противно мне это, пропала былая охотка. Оттого и рад был.

Тяжело же стало тогда, когда посыпались на меня телеграммы вроде Вашей. Таков уж мой характер. Тяжело, потому что не привык, не ждал и не гадал, потому еще, что в российской стороне бессмертных — не полагается, и это ее хорошая черта, от французской отличная.

Тяжесть облегчилась по добром размышлении, когда пришла верная догадка — ведь я лишь повод, подходящий случай, чтобы выразилась на мне охота ветхое заменить чем-то новеньким, да своим. Просветлело на душе, и я к Вашим услугам, готов хоть сам себе кадить, чтобы черта выкурить, иначе сказать, чтобы старые основы академии преобразовать во что-нибудь новое, русское, свое, годное для всех вообще и в частности для научного движения в России.

<...> И если мое толкование покажется корявым — не взыщите, иное всякое — беда, зло и мне, и русскому... [51, с. 39].

Из сообщения в газете «Голос» от 10 января 1881 г.:

В заседании Физико-химического общества по отделению химии в четверг, 8 января, почетный член Общества Д. И. Менделеев представил две записки полемического характера. <...>

... Докладчик [Менделеев] возразил (на замечание одной газеты, что он не был избран в члены Академии наук. — *И. Д.*), что он и не желал никогда быть членом Академии, что весьма ясно доказывается его отказом прошлой весной баллотироваться, когда А. М. Бутлеров предложил ему письменно заявить о желании баллотироваться в академики [52, с. 2].

Думаю, мне не надо, после всего вышесказанного, объяснять, что Дмитрий Иванович, мягко говоря, не совсем точно излагал события. Легко себе представить реакцию Бутлерова на эту самоутешительную для Менделеева ложь.

Из письма Бутлерова Марковникову от 10 ноября 1882 г.:

... Мне пришлось поручиться (в Академии наук. — *И. Д.*), что вы оба (т. е. Марковников и А. М. Зайцев. — *И. Д.*) в случае выбора (в члены-корреспонденты. — *И. Д.*) примете звание с благодарностью. Надеюсь, что я не ошибся и что Вы не поставите меня в крайне неловкое положение отказом или заявлением, подобно Менделееву, что я-де никогда и не желал выбора [13, с. 168].

Разумеется, Менделеев хотел стать академиком, очень хотел, хотя у него уже были и оклад в 3000 руб. в год (плюс дополнительные заработки), и казенная квартира с лабораторией. Чего же тогда так не хватало Дмитрию Ивановичу? «Личного почета», как выразился добрейший Н. Н. Бекетов? Вполне возможно, ибо Менделеев был человеком амбициозным. Но главное, как мне представляется, не в авантажности. В свои 46 лет он смертельно устал от преподавания, которое взяло лучшие его годы. Ему более всего хотелось свободы и покоя и мнилось, что Академия даст и то, и другое.

Так почему же его надеждам не суждено было осуществиться? Полагаю, что его поражение на академических выборах было предопределено целым комплексом причин.

Во-первых, прием в Академию наук, как и прием в любую корпоративную структуру (в том числе и в университет) — это всегда отбор в клан, где действуют свои писанные и неписанные законы. По своим личностным качествам Менделеев в академический, пусть даже и расколотый, клан не вписывался, а масштаб его научных заслуг, столь, казалось бы, бесспорных, в 1880 г. нетрудно было оспорить при мало-мальски неповерхностном их анализе¹⁴, поскольку Периодический закон, открытие коего составляло главное научное достижение Дмитрия Ивановича, в то время еще не набрал в глазах значительной части научного сообщества подобающего «рейтинга», с Периодической системой было связано множество споров (в том числе и приоритетных), неясностей (особенно о месте редкоземельных элементов и некоторых тяжелых металлов) и спекуляций (о сложности атомов, единой материи и т.п.); что же касается менделеевского цикла работ по физике газов, то здесь полученные результаты вызывали сомнения, и, как оказалось, вполне обоснованные; а его труды «нефтяного цикла» носили, скорее, технико-экономический и публицистический характер.

Во-вторых, инициатором представления кандидатуры Менделеева в академики был Бутлеров — факт, который сам по себе вызывал у некоторых членов ФМО

¹⁴ Такой анализ и был сделан в газете «*St.-Peterburger Zeitung*» от 24 декабря 1880 г. (5 января 1881), № 359, с. 2. Подробнее об этом см. в конце статьи в «Приложении».

нервную реакцию (не говоря уже о некоторых отмеченных выше особенностях поведения Бутлерова в этой истории). То, что его подпись под представлением не облегчает путь кандидата к академическому креслу, Александр Михайлович и сам понимал, что видно из его письма Марковникову от 10 ноября 1882 г. «Само собой разумеется, что при настроении большинства нашего Отделения и его крайней враждебности ко мне благоприятного результата ожидать нелегко...» [13, с. 268]. А ведь речь в этом письме шла всего-то о членкорской вакансии.

Прав был Бутлеров в своей борьбе с академическими порядками или не вполне — это уже другой вопрос, но на результат голосования 11 ноября повлияло негативное отношение части членов ФМО не только к Менделееву, но, в известной мере, и к Бутлерову, а больше Дмитрия Ивановича представлять в Академию было некому, поскольку Бутлеров был тогда там единственным химиком.

В-третьих, сказались, разумеется, межкорпоративная конкуренция «Академия наук — Санкт-Петербургский университет», обострявшаяся по мере усиления научного потенциала университета и увеличения числа университетских профессоров в ФМО (в конце 1880 г. их там было уже пятеро). Как выразилась газета «*Neue Dorpatische Zeitung*» 7 (19) декабря 1880 г.: «Академия должна быть свободна от гнета университетского терроризма».

В-четвертых, необходимо учесть некоторые особенности персонального состава ФМО, а точнее — группы лиц, принявших участие в голосовании 11 ноября 1880 г. Их можно разделить на три группы [9, с. 179 et passim].

Первую группу составляют 6 человек (Н. Н. Алексеев, А. М. Бутлеров, Ф. В. Овсянников, А. Н. Савич, П. Л. Чебышев, А. С. Фаминцын; средний возраст на конец 1880 г. — 55 лет) — это питомцы, а впоследствии профессора университетов¹⁵, не занимавшие длительное время крупных административных постов и к 1880 г. продолжавшие активно работать по своей специальности.

Вторая группа голосовавших (Ф. П. Литке, К. С. Веселовский, Г. И. Вильд, К. И. Максимович, О. В. Струве, Ф. Б. Шмидт, Л. И. Шренк и А. А. Штраух; средний возраст на конец 1880 г. — 58 лет) состояла из администраторов, пик научной активности которых был уже давно пройден, либо их научная деятельность во второй половине 1870-х гг. была временно ослаблена по причине загруженности административными обязанностями. Как правило, это выпускники Дерптского университета (5 человек из 8) и специалисты в таких областях, как геология, ботаника, зоология, палеонтология, этнография (5 человек из 8), где физико-математические методы почти не использовались, но таксономические подходы нашли широкое распространение¹⁶.

Наконец, третья группа (В. Я. Буняковский, А. В. Гадолин, Г. П. Гельмерсен и Н. И. Кокшаров; средний возраст на конец 1880 г. — 67 лет) включала в себя лиц, сочетавших преподавательскую деятельность (причем только Буняковский длительное время — с 1846 по 1860 г. — читал лекции в Петербургском университете, тогда как преподавательская деятельность остальных была связана с другими учебными заведениями) с административной. При этом педагогический компонент в структуре деятельности Буняковского и Кокшарова явно преобладал.

Если теперь из общего числа лиц, голосовавших 11 ноября, выделить «преподавателей» (первая группа) и добавить к ним тех из третьей группы, у которых пре-

¹⁵ Половина из них закончила Московский университет, 1 человек — Казанский, 1 — Дерптский и 1 — Санкт-Петербургский. Пятеро затем стали преподавателями Петербургского университета.

¹⁶ В первой группе половину составляли специалисты по математике, механике и астрономии.

обладали преподавательские занятия, то полученный список с точностью до одного человека совпадет с бутлеровским перечнем членов Академии, голосовавших за Менделеева¹⁷.

Версия же о том, что Менделеева забаллотировала «немецкая партия», надсадно распространявшаяся прессой и весьма популярная в общественном мнении, вряд ли имеет отношение к действительности (по крайней мере в том виде, в каком ее обычно излагают). Причины «академического скандала» ноября 1880 г., как видно из изложенного, лежат в иных плоскостях, а то, что среди замешанных в этот скандал оказалось много *этнических* немцев, так это — отдаленные последствия академической (а шире — социальной и культурной) политики предшествующих десятилетий. Кстати, число этнических немцев в Академии во второй половине XIX в. неуклонно снижалось, максимум был пройден еще в конце 1840-х гг. Я не случайно употребляю термин «этнические немцы», поскольку очень многие из них родились в России и были российскими подданными. Значительная их часть — выходцы из остзейских губерний, т. е. оттуда, откуда в XVI в. пошел и род Бутлеровых¹⁸. Прибалтийские немцы, по словам Я. П. Страдыня, это «этническая группа с особым психическим складом, культурой, сложившаяся на почве местных исторических условий, впитавшая элементы шведской, русской, польской культуры, ассимилировавшая часть коренного населения — латышей и эстонцев, ревностно оберегавшая свою самобытность, в том числе и различные “пережитки”. Однако язык, отчасти традиции и довольно интенсивная миграция людей из Германии и обратно связывали прибалтийских немцев с Германией. Именно благодаря последнему обстоятельству вышедшие из прибалтийско-немецкой среды ученые могли — и должны были — стать посредниками в установлении технических, культурных и научных контактов между Германией и Россией» [54, с. 118].

Многие из членов ФМО были питомцами Дерптского университета, куда они поступали не только потому, что это был «немецкий» университет, но и потому, что это был лучший университет России в первой половине XIX в. Почему талантлиую молодежь тянуло, скажем, из Москвы непременно в Дерпт, ясно из воспоминаний Н. И. Пирогова о своей учебе в 1820-х гг. в Московском университете: «Вот на кафедре стоит Петр Иллар. Страхов, проф. химии медицинского факультета, — человек, очевидно, начитанный и из книг много знающий. <...> И ... целый курс ни одного химического препарата в натуре; вся демонстрация состоит в черчении на доске... <...> Физика на математическом факультете преподавалась гораздо нагляднее. На лекциях Двигубского слышалось хлопанье, треск, когда его лаборант был в хорошем расположении духа и в трезвом состоянии» [55, с. 380]. Можно представить себе радость Николая Ивановича, когда его в 1828 г. в числе небольшой (всего 7 человек) группы студентов, отобранных из 705 обучавшихся в Московском университете, отправили доучиваться в Профессорский институт при Дерптском университете. Прибыв туда, Пирогов «бросился очертя голову экспериментировать» [55, с. 418].

¹⁷ Единственное исключение — О. В. Струве. Впрочем, его белый шар стал и для Бутлерова несколько неожиданным. По мнению М. Н. Киселевой, такое голосование Отто Васильевича, «возможно, было вызвано дипломатическими соображениями» — Струве надеялся «на поддержку Физико-математическим отделением представленного им в этом же заседании Баклунда» [9, с. 193].

¹⁸ Род Бутлеровых по линии отца Александра Михайловича вел свое начало от Юрия Бутлера, который, как свидетельствует старинный документ, «выехал в Россию из Курляндии в дальних летах и был в службе, а какой службе ... неизвестно» (цит. по [53, с. 7]).

Да и жизнь в Дерпте была вольнее, чем в других местах Империи. Как писал поэт Н. М. Языков:

Мы здесь творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан,
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу.

Приведу в качестве примера начало биографии типичного «академического немца» — Леопольда Ивановича (*Leopold-Peter*) Шренка (1826–1894). Он родился в имении Хотень Сумского уезда Харьковской губернии. Его отец, Иоганн-Дитрих Шренк, служил сперва в канцелярии Комитета для рассмотрения лифляндских дел, а затем — в тульской почтовой конторе. Образование Леопольд Иванович получил сначала в Москве, в частном пансионе Чермака, а затем в Дерптском университете. В дальнейшем, с 1853 по 1857 г., участвовал в экспедиции в Охотское море, к берегам Восточной Сибири и Русской Америки. Он был автором капитальных трудов, посвященных культуре и быту жителей, а также природе Приамурья. Его «Очерк физической географии Северо-Японского моря» был удостоен Константиновской золотой медали Русского географического общества (1870) [56]. Вполне достойная биография, а к тому, что академик Шренк был в сложных отношениях с академиком Бутлеровым, остзейские корни первого отношения не имеют.

Многие участники этой истории (не говоря уже о газетных репортерах) часто кивали на пример Запада: вот там, мол, своих гениев ценят, французы не то что немца какого — Ч. Дарвина в свою Академию не избрали. Разъясняя ФМО в январе 1882 г. свой протест против кандидатуры Ф. Ф. Бейльштейна на все ту же злосчастную вакансию по технологии и прикладной химии, Бутлеров между прочим заметил: «Значение научных заслуг Ф. Ф. Бейльштейна я признаю вполне и даже имел случай заявить ему лично... мое мнение, что если бы Академия наша располагала, подобно Парижской, многими местами по химии, то ему, г-ну Бейльштейну, могло бы найтись в ней место вместе с профессорами Менделеевым, Бекетовым и другими заслуженными русскими химиками» [12, т. 3, с. 135]. Но у нас, досточтимый Федор Федорович... простите, Конрад-Фридрих, с местами туговато, самим не хватает.

Конечно, насчет «Парижской» Александр Михайлович малость погорячился. Достаточно сказать, что такая знаменитость французской науки, как Марселен Бертло, попал в академическое кресло лишь с *четвертого* раза, после того как из Парижской академии наук вынесли ногами вперед барона Тенара, Пелуза и Дюамеля, а Дюма стал непременным секретарем, причем выбрали Бертло (у коего, замечу, уже ко второй попытке было свыше 400 работ) по отделению (*section*) физики, а не химии. Со второго раза в Академию попал Ш. Вюрц, и т. д. А уж интриги, борьба партий — роман написать можно. Но еще занятней во Франции, особенно в славные времена Второй Империи (1852–1870), дала себя знать связь науки с имперской властью, что выразительно описал В. Гюго: «Бонапарт (Наполеон III. — *И. Д.*) потребовал присяги от Араго (который был директором Парижской обсерватории в периоды Июльской монархии, в 1830–1848, и Второй Республики, в 1848–1851. — *И. Д.*). <...> В хорошо организованном государстве... все числится на должности, даже наука. <...> Астроном — это нечто вроде небесного жандарма. Обсерватория — караульная будка. <...> Свободная астрономия почти так же опасна, как и свободная печать» [57, с. 168; см. также 58]. Араго присягать отказался, и на его место был назначен У. Леверрье, который занимал его в аккурат до кру-

шения режима Наполеона III. Иное дело — в России, у нас после очередной коронации директора Пулковской обсерватории не меняли, потому как у каждого государя императора в голове была *своя* звезда (или туманность), не до обсерватории.

А вот в чем Бутлеров был абсолютно прав, так это в том, что в нашей Академии наук со времен Ломоносова «ученый элемент оказался отданным в руки элемента административного и канцелярского» [12, т. 3, с. 137]. И совершенно аналогичная ситуация имела место в университетах, о чем, в частности, писал Н. И. Пирогов: «Там, где ученые — чиновники, а их ученики — искатели чина, там ... рождаются такие понятия и отношения, которые рано или поздно превратят учебное место в присутственное» [59, с. 338].

Действительно, как показывают биографии Ломоносова, Сеченова, Мечникова и многих других выдающихся ученых и мыслителей, Россия, страна трудного счастья, способна довести человека до такого отчаяния, за которым начинается гениальность.

И еще одно немаловажное обстоятельство, на которое обратил внимание наблюдательный Менделеев — высокие оклады академиков. «Мне кажется, — предлагал он в феврале 1882 г., — никакой нет нужды в том, чтобы это сравнительно большое число лиц, образующих высшее ученое учреждение в России, получало жалованье» [44, с. 241]. По мысли Дмитрия Ивановича, Российская академия наук должна включать в свой состав «комплекты академиков, особыми привилегиями, то есть жалованием, квартирами и тому подобное не пользующихся, а представляющих своим собранием высшие научные силы России» [44, с. 242].

О другой грани этой и по сей день скользкой темы писала газета «Голос» 10 декабря 1880 г.:

Наша Академия наук, подобно Берлинской, была учреждена в такое время, когда нам приходилось заимствовать членов Академии из Западной Европы. Как Берлинская Академия должна была заимствовать из других стран Лагранжа, Ламбера, Мопертюи и др., так и мы должны были заимствовать из Западной Европы Эйлера, Бернулли и др. <...> Для того, чтобы привлечь знаменитых иностранцев, необходимо было давать им постоянные оклады..., значительно превышающие средний доход ученого в Германии... Но времена... переменились. Средний доход не только первоклассных ученых, но и сколь-нибудь выдающихся второклассных ... в Германии стал значительно больше тех окладов, которые может им предоставить наша Академия. <...> Средний доход (Гельмгольца, Кирхгофа или Бунзена. — *И. Д.*) составляет от 7000 до 15000 талеров, т. е. от 9000 до 20000 рублей.

Немецкие и французские ученые свои основные доходы (а также такие льготы, как казенные квартиры, казенные дрова и бесплатное место на кладбище) получали не от Академии. Бергто боролся не за квартиру, а за место в Пантеоне (надеюсь, меня не поймут слишком буквально). В России же ситуация была совсем иной (см. приведенные выше фрагменты из переписки Бутлерова с Н. Н. Бекетовым).

Участники этой скучной, как осеннее петербургское небо, истории были хорошими людьми, но их немножко испортил квартирный вопрос.

«Смертельный яд твоих лобзаний», или пресса защищает Менделеева

Теперь обратимся к самой гнусной части этой истории — реакции на забаллотирование Менделеева общественности и прессы, некоторые примеры которой я уже приводил. Следует четко различать самое «академическую историю» и вы-

званный ею общественный резонанс. Кроме того, сам этот резонанс имел две грани — отклик на академические выборы 11 ноября 1880 г. научного сообщества и возбуждение прессы, т. е. сообщества журналистов и публицистов разного толка.

В Отделение химии Русского физико-химического общества (ОХ РФХО) со всей России полетели письма и телеграммы с выражением Дмитрию Ивановичу глубокого уважения и с осуждением «нового подвига милых академических шутников», как выразился А. Р. Шуляченко [7, с. 208]. РФХО решило поместить в газетах письмо-протест следующего содержания:

Физико-математическое отделение Императорской Академии наук в заседании 11 ноября 1880 года забаллотировало Д. И. Менделеева... Бесспорность заслуг кандидата, которому русская наука равно представить не может, известность его за границей делают совершенно необъяснимым его забаллотирование. Ввиду повторяющихся неизбранных в Физико-математическое отделение Академии наук лучших русских ученых мы считаем нужным обратить на это общественное внимание [7, с. 208].

Подавляющее большинство российских химиков текст одобрили, но было два возражения. Первое — от Марковникова:

В этом деле ссылка на признание заслуг Д. И. за границей неудобна. До тех пор, пока мы сами не будем признавать за собой авторитетности в решении подобных вопросов, немцы имеют полное право презирать наших ученых. Мы решаем вопрос не о кандидатуре в Берлинскую или Парижскую академию; а кто достоин быть русским академиком — это наше дело [7, с. 208].

Марковников подметил характерную особенность в позиции российской научной и околонучной общественности: шумное возмущение «академическими немцами», «дерзко бросающими вызов русскому обществу и русской науке» (Шуляченко) [7, с. 208] при одновременной ссылке на зарубежное признание «Д. И.» и его оценку иностранцами. За этим, разумеется, стоит двойственное отношение русского человека к Западу вообще.

Возражение Бейльштейна носило иной характер. По его мнению, предлагаемое обращение в газеты «не эффектно».

Мы — люди науки, — писал Бейльштейн, — и наше поле действия не какая-нибудь газета, а *ученая среда*, и поэтому я позволю себе сделать следующее предложение: наш товарищ — знаменитый ученый — обижен, кем — это на втором плане. Вопрос чисто личный. Все мы чувствуем потребность высказать нашему товарищу уважение и сочувствие. Для этого самая удобная форма — *адрес*, в котором *глухо* говорится, что хотя нашлись лица, которые считают Д. И. недостойным высшего научного положения, но мы — *химики*, и потому более компетентные судьи, нежели кто-либо, находим, что Д. И. между нами есть передовой ученый. Мы его просим не сокрушаться происшедшим, он много сделал и, вероятно, еще много замечательного сделает. <...> Таким образом, мне кажется, мы поступим *самостоятельно*, оригинально и с сохранением всего нашего достоинства. Нашему званию и положению не подобает заниматься мелкой газетной бранью. Я не хочу ставить свою фамилию наравне с *анонимными* корреспондентами в газете, вроде Г^н — В. Ж. <...>

Что ... публика может сделать? Как она в силах подействовать на наших академиком? В ученых вопросах мы руководим общественным мнением, и публика должна к нам, а не мы к публике обращаться (цит. по [60, с. 52–53]).

5 декабря 1880 г. на заседании Химического отделения РФХО было предложено избрать Менделеева почетным членом Общества и, кроме того, ему был вручен адрес, в котором глухо говорилось об «общем волнении, вызванном известным событием 11 ноября» [12, т. 3, с. 166], а несколько ранее (23–24 ноября) в газетах было опубликовано цитированное выше письмо русских химиков; слова, вызвавшие возражение Марковникова, в нем, однако, остались.

В ту же пятницу, 5 декабря, в ресторане «Эрмитаж», что на Васильевском острове, «профессора здешнего университета» дали Менделееву утешительный обед [61, с. 3].

18 декабря 1880 г. он был единогласно избран почетным членом РФХО, за что тепло поблагодарил своих коллег, сказав, что в их сочувствии он видит залог самостоятельности русской науки, а избрание в почетные члены РФХО ему дороже избрания в «казенную Академию» [62, с. XIX; 63, с. 2, стлб. 6]. Ситуация басни И. А. Крылова «Лиса и виноград» получила, таким образом, свое полное развитие.

Эти протесты и сочувствующие обращения обрели, естественно, скорее эмоциональный, нежели аналитический характер. О конкретных заслугах Дмитрия Ивановича, проигнорированных ФМО, в них почти не упоминалось. Исключением может служить коллективное письмо 14 преподавателей Московского университета, из которого можно понять, какие именно заслуги Менделеева наиболее ценились взволнованным российским научным сообществом.

«Ваши “Основы химии”, — писали московские коллеги, — стали настольною книгою всякого русского химика, и русская нация гордится трактатом, не имеющим себе равного даже в богатой западной литературе» [50, с. 3]. Далее отмечались долготлетняя профессорская деятельность Менделеева и его «участие в исследовании минеральных богатств России» [50, с. 3].

Замечу, что в тексте представления Менделеева в экстраординарные академики «Основы химии» вообще не упоминались (хотя были включены в список трудов), упор был сделан на открытии Периодического закона. Москвичи же, напротив, сделали акцент на «Основах», ничего не сказав о законе. Думаю, это не случайно. Русская учебная и научная литература того времени была бедна чрезвычайно. Как писал историк В. И. Модестов, «пойдите в любой книжный магазин и посмотрите продающиеся там сочинения. Книг с именами наших университетских профессоров и академиков так мало, что можно усомниться в существовании у нас семи русских университетов..., двух лицеев, двух филологических институтов и многих других высших учебных и ученых заведений» [63, с. 2]. Менделеевские «Основы химии» не только восполняли зияющий пробел в отечественной учебной литературе по химии, но действительно стали выдающимся достижением научно-педагогической мысли. Именно «Основы химии» сделали Менделееву имя в России, понимание же фундаментальной научной значимости Периодической системы пришло позднее, хотя уже в третье (1877 г.) издание своего учебника Дмитрий Иванович включил новую, 27-ю главу «Сходство элементов и их система», позднее, в пятом издании (1889), переименованную в «Сходство элементов и периодический закон». Но в 1870-е гг. для российского читателя был важен даже не сам Периодический закон — тем более, что структура третьего издания «Основ» еще не была строго подчинена логике учения о периодичности, — но широта и глубина охвата материала наряду с ясностью и доступностью изложения.

Но как бы то ни было, «дружный призыв ученых корпораций» [63, с. 2] в защиту Менделеева имел ограниченную длительность и ограниченные рамки. Уже в начале февраля 1881 г. Марковников с облегчением констатировал: «Наконец, *affaire de Mendeleeff*, как говорит [М. Д.] Львов, окончилось» [19, с. 283]. Гораздо большие по размаху и длительности волнения произошли в прессе, причем заводилами ста-

ли две петербургские газеты: «Новое Время» и «Голос» А. А. Краевского, которые при всех их различиях вдохновлялись одной и той же музой, это была «муза позднейших времен, муза фельетонная, одним и тем же пером потешающая читателей описанием масленичного гуляния и пугающая их с поддельным негодованием... криком “Катилина у ворот...!”» [64, с. 818]. Приведу несколько *типичных* высказываний прессы по «делу Менделеева».

Из газеты «Страна» (13 ноября 1880 г., № 89):

...Поневоле является догадка, что неизбрание г. Менделеева, как и г. Сеченова, было обусловлено просто их национальностью.

Из газеты «Голос» (15 ноября 1880 г., № 316):

...Русское общество вправе спросить: для чего существует русская Академия наук? Для того ли, чтобы быть местопомещением выписных бездарностей, о существовании которых не подозревает ни один образованный русский человек? <...> Мы видим (в Петербургской АН. — *И. Д.*) не средоточие талантов, а средоточие окладов и квартир, к которым «подбираются» алчущие и жаждущие не только правды. В научном отношении — это Пиквикский клуб, в житейском — квартирная стачка.

<...> Горевать нечего — надо действовать!

В. Ж. [А. Д. Градовский]

Что же предлагает автор в качестве ответного действия? Собрать деньги на премию имени Менделеева. Ход смелый. Но когда в России начинают собирать деньги, так с этими деньгами непременно приключится что-нибудь эдакое. Чужа неладное, Дмитрий Иванович на следующий же день послал в газету письмо с заманчивым предложением: «Прошу отложить ее [подписку] — по крайней мере до моей смерти» (цит. по [7, с. 400]). Правильно: чтобы хоть при жизни не позориться.

«Подписка прошла очень удачно, — писали Тищенко и Младенцев, — и в февральском заседании Химического общества редакция “Голоса” передала О-ву 3565 руб. Дм. Ив. пожелал, чтобы этот капитал прирастал процентами до его смерти. К 20 января 1907 г. капитал премии вырос до 14 666 руб. 83 1/4 коп.» [7, с. 209], из которых 14300 руб. хранились в Государственном банке в виде 4,5% облигаций Петербургского городского кредитного общества. 8 октября 1909 г. на заседании ХО РФХО были утверждены условия присуждения премий им. Д. И. Менделеева — Большой (1500 руб.) и Малой (300 руб.). Первыми лауреатами Малых премий стали Н. И. Степанов (1910), В. В. Свентославский (1911), И. И. Жуков (1912), А. Н. Саханов (1913), Г. Г. Уразов (1914), О. Г. Филиппов (1915), И. Г. Шеттле (1916), Н. А. Шлезингер (1917), С. Н. Данилов (1918) (подробнее об этих премиях см. [65]). Первым и до Октябрьского переворота единственным лауреатом Большой Менделеевской премии стал в 1915 г. Д. П. Коновалов. В годы революции старые деньги и облигации полностью обесценились, и в 1920-х гг. некоторое время выдавались так называемые «безденежные премии», а в 1930 г. были утверждены правительственные премии, среди которых значилась и премия им. Д. И. Менделеева.

Из газеты «Голос» (16 ноября 1880 г., № 317):

Академия Наук — лучшее доказательство, до чего может дойти учреждение, огражденное от всякого контроля. Что делает Академия? Над чем трудятся академики? Спят, спят и спят.

Как же винить Академию за то, что она отвергла Менделеева, человека крайне беспокойного — ему до всего дело, он обо всем заботится. Задумали бакинцы

нефтью воспользоваться — он едет в Баку, читает там лекции, учит, как и что делать, съездив предварительно в Пенсильванию, чтобы узнать, как и что там делается; выставил Куинджи картину — он уже на выставке, любит художественным произведением, изучает его, задумывается ... и пишет новую мысль, пришедшую ему на ум.... Как же впустить такого беспокойного человека в сонное царство? Да ведь он, пожалуй, всех разбудит и — чего Боже упаси — заставит работать на пользу Родины! <...>

Некоторые видят подкладку «происшествия» с г. Менделеевым в предвзятой национальной вражде. Едва ли. Если б это было так, то в Академию приглашались бы знаменитые немецкие ученые; между тем она состоит большей частью из бездарностей. Что в ней в настоящее время немцы составляют большинство — обстоятельство случайное. Бездарности могут подобраться из всякой национальной жизни... полная невозможность освежить это учреждение новыми силами, нахальное презрение к выдающимся деятелям русской науки — все это показывает какой-то органический порок в этом учреждении. Можно ли его устранить?

Казалось бы, автор, сумевший понять, что дело не в происках «немецкой партии», вот-вот обзаведется более или менее дельным предложением. Ан нет — ответ ошарашивает своей незатейливостью: «Нужно постановить, что академиками могут быть только русские ученые. Зачем нам, русским, нерусские академики? <...> Они найдут себе места в германских ученых учреждениях. Пусть идут с Богом!».

«Какой контраст с точкой зрения “Нового времени”!» — восклицает современный исследователь [5, с. 92]. Ну что ж, обратимся к суворинской газете. Для контрасту.

Из газеты «Новое время» (15 декабря 1880 г., № 1725):

...Полноте, господа академические немцы, ведь вы очень хорошо знаете, что ни Шредера, ни Баклунда Берлинская академия не пустит к себе даже на порог... А вот вы иное дело: вы взяли к себе г. Гадолина, в числе трудов которого фигурировали даже литографированные лекции. Много ли сделал г. Гадолин в течении пяти лет, как он числится академиком? Ничего...

Контраст, конечно, налицо: если верить автору «Голоса», так «академические немцы», вытолкая их взащей на историческую родину, устроятся там очень даже неплохо, но если послушать «Новое время», так лучше бы им бездельничать в России.

Гадая, кто бы это мог написать антименделеевский «академический донос» в «St.-Peterburger Zeitung» (см. Приложение), «Новое время» (28 декабря 1880 г., № 1736) пришло к выводу, что злодеями были:

Вильд, физик, не знающий русского языка и глубоко презирающий все, кроме денег; Гадолин, физик, не представивший со времени своего избрания в Академию (6 лет назад) ни одного ученого труда, и г. Бейльштейн, проф. химии в Технологическом институте, не подписавший протеста русских химиков против неизбрания проф. Менделеева, тот самый Бейльштейн, которого г. Вильд проводил на академическую вакансию вместо Зинина, чего не одобрил Бутлеров, настоявший на кандидатуре Менделеева.

Естественно, досталось и Веселовскому.

Вот ведь г. Веселовский, неперменный секретарь, и не иностранец, а был же выбран в Академию 33-х лет, когда он еще не написал своей посредственной книги «О климате России». <...> Веселовский так и не взошел как научное светило, нося в течение 27 лет звание академика. Зато как составитель и чтец фельдфебельских

рапортов, по части разного рода отчетов, в которых речь идет о предметах, ему неизвестных, К. С. Веселовский не имеет себе равного [66, с. 2].

В начале 1881 г. появились кой-какие публикации на тему «академического скандала» и в толстых журналах. К примеру, Ф. И. Булгаков выступил с очерком истории формирования «немецкой партии» в Академии, рассуждая примерно в таком же духе, что и авторы газетных анонимок: снова читаем о том, что «немецшить научит, а кроить — никогда», что «в делах самой Академии, для немцев, квартирный вопрос затмил все вопросы науки, а личные интересы стали выше научных» и необходимо срочно освободить развитие русской науки от «синекур непрошенных культуртрегеров» [67, с. 430–431] — и т. д., и т. п. Аргументации — никакой, даже с элементарной логикой у автора не все в порядке. Вот, например, как он иллюстрирует свой тезис о нежелании немцев учить русское юношество: «Известный Миллер¹⁹, в бытность свою в Сибири, постоянно отговаривал Гмелина обучать русских студентов, и Гмелин давал уроки Крашенинникову и другим тайком от Миллера» [67, с. 426]. Надеюсь, читатель догадался, что Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) не был сыном крестьянина-помора из Архангельской губернии, а так же, как и Миллер, был приглашен («выписан») из Германии.

Замечу, что многие газетные пассажи в адрес «академических немцев» если не дословно, то по характеру претензий и акцентам совпадают с тем, что позднее, в начале 1882 г., писал о своих оппонентах с немецкими фамилиями Бутлеров, например о Вильде:

Вильд, выписанный из-за границы в 1868 году, до сих пор не овладел русским языком настолько, чтобы в заседаниях можно было обращаться к нему с русской речью, рассчитывая быть понятым.

Времени выучиться по-русски было достаточно, и если г. Вильд еще остается при своем незнании, то трудно не видеть в этом порядочной доли презрения с его стороны к званию, которое носит, и к нации, которой он служит [12, т. 3, с. 129].

Или о Гадолине и истории его избрания в экстраординарные академики:

...г. Вильд, вместе с некоторыми другими академиками, в октябре 1857 г. представил к избранию Акселя Вильгельмовича Гадолина.., не предупредив об этом ни одним словом ни академика Зинина, ни меня, хотя этого требовали бы, кажется, деликатность и внимание к сосоварищам. <...> Заслуги Акселя Вильгельмовича по кристаллографии и молекулярной механике в приложении к некоторым связанным с артиллерией вопросам — известны, а работ по физике зачем и требовать, если кандидат предлагается столь влиятельным специалистом и членом большинства, как г. Вильд? В число научных заслуг кандидата, для увеличения их коротковатого списка, внесены и читанные г. Гадолиным курсы, изданные в виде литографированных записок, но почему-то не увидевшие типографского станка.

...Со времени избрания г. Гадолина в экстраординарные академики до настоящего времени, т. е. в течение шести с лишним лет, не представлено им в Академию ни одной своей научной работы [12, т. 3, с. 132–133].

Сомнительно, чтобы все эти милые подробности академической жизни стали известны репортерам «Голоса», «Молвы» и «Нового времени» в результате кропотливой изыскательской работы с архивами и документами отечественной «де сиянс Академии».

¹⁹ Речь, надо понимать, идет об академике Герарде-Фридрихе Миллере (1705–1783), известном историке.

Создается также впечатление, что в борьбе за правое дело Александр Михайлович так увлекся, что потерял некоторые ориентиры, переведя свою борьбу в ту плоскость, где логике, фактам и спокойному объективному анализу отводится исключительно вспомогательная роль.

Можно, конечно, порадоваться тому, что российское научное сообщество морально поддержало Менделеева и что в Академии его защищали столь крупные ученые, как Бутлеров и Фаминцын. Но что касается реакции прессы, остается лишь сожалеть, что у Дмитрия Ивановича оказались *такие* защитники и что в России вообще в защиту правого дела выступают, наряду с достойными людьми, немало пошляков и негодяев.

Но еще печальней, что все эти пошлости, глупости и гадости газетных репортеров повторяли затем многие наши историки, уверовавшие, будто Менделеева «забаллотировали в Академию по социально-политическим мотивам, из-за его отношения к науке как к огромной общественной силе» [6, с. 237] и что «благодаря поддержке реакционных кругов в числе членов Академии оказались и бездарности, выписанные из-за рубежа люди, которые в собственной стране никогда не добились бы столь высокого положения», люди, «презиравшие русский язык, печатавшие свои работы исключительно на иностранных языках и объяснявшиеся со своими русскими коллегами только при помощи переводчиков» [68, с. 192]²⁰.

За всем этим праведным гневом и обличительными тирадами тогдашних репортеров и советских историков скрывалась ложь. Они лгали и в большинстве своем знали, что лгут.

ФМО, разумеется, совершило серьезную ошибку, забаллотировав Менделеева. В вину академиком, кинувшим ему черные шары, можно и *должно* поставить их неспособность или нежелание, отрешившись от своих личных, пусть даже вполне обоснованных антипатий, спокойно, беспристрастно и неформально оценить масштаб сделанного Менделеевым в науке, масштаб его сложной и противоречивой личности и его дарования; неспособность и нежелание «взять тоном выше», преодолеть извечную академическую спесь и самоуверенность, не знающую, увы, ни географических, ни временных, ни этнических границ. В этом плане голосование 11 ноября 1880 г. было действительно позорным. Но подобно тому, как открытие Периодического закона само по себе не может служить ученому индульгенцией его, мягко выражаясь, не всегда правильных поступков, так и позор академического кегельбана 1880 г. не может служить поводом к оскорбительным и лживым обвинениям в адрес академиков, отдавших науке и России свои таланты, силы и знания. Я уж не говорю о странной уверенности прессы в том, будто для иностранца многолетняя работа в российской «Академии ученого труда» за 2–3 тыс. рублей в год в условиях жесточайшей инфляции, развившейся после русско-турецкой войны, — это такое счастье, которое ни на что на свете не променять, тем более живя в академических хоромах.

Разумеется, в данной статье я не имею возможности сколь-нибудь детально описать заслуги всех представителей «немецкой партии», многие из которых были немцами не более, чем государь император. Но на некоторых фактах остановиться стоит.

²⁰ Замечу попутно, что российские ученые в подавляющем большинстве могли объясняться с немцами и французами без переводчика, а свои главные труды в изданиях Академии — в том числе и в «Записках АН», где автор мог сам выбирать, на каком языке опубликовать свою статью — русском, французском или немецком, — на иностранных языках печатали не только «немцы», но и русские ученые, в том числе, кстати, и Менделеев: таков был порядок в Академии, вполне, кстати сказать, разумный.

Прежде всего несколько слов следует сказать об А. В. Гадолине (1828–1892). Родом он был из дворян Великого Княжества Финляндского, образование получил в Финляндском кадетском корпусе, в Михайловском артиллерийском училище и Артиллерийской академии. В 1855 г. участвовал в обороне Свеаборга и получил за храбрость орден Св. Георгия 4-й степени — Гадолин бросился в загоревшийся пороховой погреб, сбил огонь и тем самым предотвратил взрыв. В 1856 г. он стал профессором Артиллерийской академии, где читал лекции по технологии и физике, причем в курс физики он включил и раздел о кристаллографии. В ходе подготовки к занятиям по этому разделу он пришел к мысли о выводе 32 видов симметрии для кристаллических полиэдров. Результатом его работы в этом направлении стало обширное сочинение «Вывод всех кристаллографических систем и их подразделений из одного начала», опубликованное в «Записках Императорского Русского минералогического общества» (1867). Об этом труде Гадолина, ставшем классикой естествознания, академик В. И. Вернадский писал:

Гадолину удалось принять такие общие признаки, которые являются самыми отвлеченными и сохраняют все свое значение, когда мы от геометрических форм перейдем к изучению любых физических свойств кристаллов, будут ли то свойства световые, тепловые или какие-либо иные. Из изучения общих принципов геометрии природных форм Гадолин поднялся до теории внутреннего строения кристаллических средин... Дальше идти уже нельзя [69, с. 506].

А крупнейший русский кристаллограф Е. С. Федоров отмечал, что своим трудом Гадолин «приобрел бессмертное имя. <...> Их (32 вида симметрии. — *И. Д.*) будут учить наши правнуки и праправнуки» [70, с. 6].

Одним этим открытием Гадолин поставил себя в ряд крупнейших ученых своего времени, вполне заслуживших почетное место в любой академии мира, даже если бы он больше не написал ни строчки.

Значительная часть трудов Гадолина посвящена технологии артиллерийского дела, точнее, теории действия артиллерийского орудия (определение сопротивления сдвигу некоторых металлических сплавов с целью изыскания состава наилучшего сплава для выстрогов орудий; сопротивление стен орудия давлению пороховых газов; теория орудий, скрепленных обручами, и т. д.).

В 1867 г. он был назначен инспектором русских арсеналов, в 1869–1871 гг. работал в Комиссии по перевооружению армии. Его заслуги были высоко оценены и в России, и за рубежом: в марте 1866 г. Гадолин получил звание генерал-майора; в ноябре 1870 г. — назначен в свиту Его Величества; в 1873 г. был избран членом-корреспондентом, в 1875 г. — экстраординарным, а в 1890 г. — ординарным академиком Академии наук, он был иностранным членом Академии военных наук в Стокгольме, членом-корреспондентом Нью-Йоркской академии наук, Академии наук в Филадельфии и проч., и проч.

Теперь — о количестве научных работ Гадолина. *Во-первых*, само по себе их число ни о чем не говорит. *Во-вторых*, если Гадолин не публиковал своих трудов в изданиях Академии наук, то это не означает, что у него их вообще не было. В конце 1870-х гг. Гадолин — между прочим, обремененный очень многими обязанностями — преподавательскими, академическими и административными, — работал в области теории машин и механизмов, опубликовав в 1877 г. мемуар «Теория устройства перемен рабочего движения на токарных и сверлильных станках»; в 1880 г. выходит второе, переработанное издание его книги «Кристаллография», которая, как и менделеевские «Основы химии», была одновременно и учебником, и научным трактатом; в тот же год издаются его лекции по теории

формовки²¹ и т.д. И, *в-третьих*, так ли уж важно, в изданиях какого учреждения или ведомства и каким способом (типографским или литографированным) были опубликованы научные труды данного автора? Можно и дальше приводить примеры обширной и многогранной деятельности Гадолина, но за ограниченностью места я приведу только одну цитату из лекции его ученика и помощника Л. Кирпичева:

...Эта (9-дюймовая. — *И. Д.*) наша пушка... выдержала 700 выстрелов при заряде, развивающем давление, превосходящее 4000 атмосфер. Мы имеем право называть ее нашей пушкой потому, что теория устройства подобных пушек дана русским профессором артиллерии Гадолиным А. В. (цит. по [71, с. 70]).

Вот так! Как о пушке для Империи речь — так «наш русский профессор», а как интрига в Академии не в ту сторону пошла — так «бездарный тевтон».

Нельзя не сказать и о другом герое газетной истерики того времени — академике Вильде. Генрих Иванович Вильд (1833–1902) получил образование в Цюрихском университете, затем продолжал учебу в университетах Кенигсберга и Гейдельберга. В Швейцарии он был приглашен в Бернский университет профессором физики и директором обсерватории. По поручению правительства он организовал сеть метеостанций в двух кантонах. Бернская обсерватория, ставшая в этой сети центральной, была снабжена самопишущими метеорологическими инструментами, изобретенными Вильдом. Ему также было поручено провести реформу швейцарских мер и весов и создать Швейцарскую палату мер и весов, директором которой он был назначен. В 1852 г. Вильдом была опубликована пространная статья об открытых им термоэлектрических токах. Вообще к моменту избрания в Петербургскую академию наук Вильд только по оптике и электромагнитным явлениям опубликовал более 10 крупных работ.

10 мая 1868 г. он был избран экстраординарным академиком нашей АН и 1 сентября того же года приехал в Россию, где прожил 27 лет. Он был приглашен с вполне конкретной целью — создать в Империи развитую метеорологическую службу. При этом было учтено, что в России в то время не было профессиональных метеорологов высшей квалификации²². От Вильда поэтому ждали не обилия научных трудов, а конкретных практических результатов на посту директора ГФО, который он занял в 1868 г. И он полностью оправдал все ожидания. Фактически Вильд создал в России регулярную сеть метеостанций с несколькими магнитными и метеорологическими обсерваториями. ГФО получила при нем «нормальные» (т. е. стандартные) меры, на основе которых были сконструированы нормальные приборы, причем российский нормальный барометр конструкции Вильда был признан наилучшим в мире. Он мог определять атмосферное давление с точностью до 0,01 мм, в силу чего послужил образцом для постройки нормального барометра Международного бюро мер и весов. Вильдом были созданы многие научные приборы: поляризационный фотометр, новый компаратор, приборы для измерения земных токов и атмосферного электричества и т.д. Построенный Вильдом в Константиновской магнитной и метеорологической обсерватории в Павловске (сооруженной, кстати, в 1876 г. по его инициативе) большой инclinатор произвел переворот благодаря той точности, с какою им можно было измерять магнитное наклонение.

²¹ Список научных трудов Гадолина см. в [70; 71].

²² Основатель и первый директор Главной физической обсерватории (ГФО) академик А. Я. Купфер умер в 1865 г., его преемник также вскоре скончался, и дела в обсерватории шли все хуже и хуже. К. С. Веселовский, много занимавшийся метеорологией, был загружен административной работой в Академии.

Если до 1868 г. в России существовала всего 31 метеостанция, то к 1895 г., т. е. ко времени отъезда Вильда на родину, их было уже 650 второго разряда и 1400 третьего. В 1867 г. по инициативе Вильда ГФО приступила к изданию «Ежедневного бюллетеня», а в 1891 г. — ежедневного и ежемесячного «Метеорологических бюллетеней». В 1879 г. Вильд стал председателем постоянного Международного метеорологического комитета, а в 1880 г. его избрали сопредседателем Международной полярной комиссии.

Что касается количества научных трудов, то из 80 наиболее важных работ Вильда, опубликованных с 1868 по 1890 г., на период 1877–1880 гг. приходится пять, что не так уж мало, особенно если учесть, что заниматься в России созданием или воссозданием чего-либо, в частности научных учреждений, есть удовольствие крайне изысканного свойства, не для каждого, потому как требует больших затрат времени и сил на пробивание идеи в верхах, выпрашивание средств, надзор за строительством и т. д. и т. п.²³ Может, Вильд и виноват в том, что не выучил русский язык, но это в итоге осталось фактом его биографии, тогда как созданные им метеостанции, обсерватории и уникальные приборы стали достоянием России. Кроме того, не знавший толком по-русски Вильд оставил после себя своего замечательного ученика и преемника на посту директора ГФО русского академика М. А. Рыкачева, которого благодарное отечество уморило голодом в 1919 г.

И еще об одной истории, связанной с Вильдом, хотелось бы упомянуть. В ноябре–декабре 1874 г. в Академии наук решался вопрос о присуждении Ломоносовской премии. В ходе прений Вильд отстаивал кандидатуру русского изобретателя А. Н. Лодыгина, создателя известной лампы накаливания, тогда как Бутлеров, полагая, что «изобретение г. Лодыгина еще не определилось настолько, чтобы можно считать его ныне же за “приводящее к особенно полезным, важным и новым практическим применениям” (§ 5-й “Правил [присуждения Ломоносовских премий]”» [13, с. 201] (хотя лодыгинские лампы уже были успешно испытаны в Петербурге в Песках), полагал, что премию (1000 руб.) надо дать... Ф. Ф. Бейльштейну. Естественно, «немецкая партия» бездарностей и интриганов настояла-таки при голосовании на своем, снова опозорив радетелей русской науки, — 13:7 в пользу Лодыгина.

Я пишу об этой истории не для того, чтобы обсудить своеобразие бутлеровских представлений о «полезности» тех или иных достижений науки и техники (Бог с ними!), но для того, чтобы показать лживость утверждений о том, будто коварные немецкие интриганы, коим якобы были совершенно чужды российские интересы, топтали живые ростки русской науки²⁴.

В слаженном хоре защитников Менделеева время от времени слышались голоса, нарушавшие общую гармонию Их было немного, совсем немного. Наиболее яркий пример — статьи известного журналиста и критика М. А. Антоновича.

Чтобы из патриотизма насолить немцу, — писал он в январе 1881 г., — для этого мы ничего не пожалеем: ни крику и гаму, ни азарта и ражу, ни подписок и обедов, ни оаций и манифестаций; но если дело касается помощи несчастному русскому или участия к какому-нибудь русскому делу, то мы оказывается апатичными, глухими и слепыми, это нас не касается, это не наше дело. <...>

²³ Для сравнения: Зинин за три года (1856–1858) опубликовал две статьи общим объемом 9 страниц плюс литографированный курс лекций. И Бутлеров к нему претензий не имел.

²⁴ В дополнение к сказанному сошлюсь на очень интересные материалы о деятельности еще одного «академического тевтона» — Г. П. Гельмерсена (1803–1885), приведенные в книге С. И. Романовского [8, с. 105–112].

«В лице Менделеева нанесено глубокое оскорбление всему русскому народу, кровная обида нашему национальному чувству». И пошла писать под этим знаменем и с этим военным кличем неустанная агитация! <...>

Скажите на милость, ужели забаллотирование Менделеева важнее и имеет более существенное значение, чем забаллотирование, например, всей прессы или той или другой системы воспитания и образования, т.е. судьбы наших детей, ужели оно важнее забаллотирования народного благосостояния и обучения, государственных финансов и проч., и проч. <...>

Когда безобразничают свои, русские люди, это ничего, на это можно смотреть сквозь пальцы, а вот безобразия немцев никак нельзя так оставить... Безвредное общество — русско-немецкая Академия кажется нам более гибельным для общественного блага, чем разные алармистские партии и клики... [72, с. 240–242].

Это в целом справедливое замечание Антоновича можно проиллюстрировать следующим примером.

30 апреля 1868 г. академики Ф. Ф. Брандт, Ф. И. Рупрехт, Ф. В. Овсянников, Л. И. Шренк и А. А. Штраух предложили на адъюнктскую вакансию кандидатуру И. М. Сеченова. Однако на выборах, состоявшихся 14 мая 1868 г., Ивану Михайловичу не хватило всего одного голоса (он получил 11 белых и 6 черных шаров).

6 ноября 1873 г. его кандидатура вновь была представлена на адъюнктскую вакансию Брандтом, Шренком, Овсянниковым, Штраухом, К. И. Максимовичем и Н. И. Железновым. На этот раз при голосовании в ФМО Сеченов одержал убедительную победу (14 — «за» и 7 — «против»), но при баллотировке 18 января 1874 г. на Общем собрании Академии наук ему не хватило двух голосов.

Почему же тогда в прессе не случилось такого волнения, как по поводу забаллотирования Менделеева? И почему в газетных выступлениях 1880–1881 гг. факт неизбрания в Академию Сеченова упоминается лишь мимоходом, в общем списке незаслуженно отторгнутых? Между тем имя Сеченова в 1870-х гг. было известно российской публике не менее, если не более имени Менделеева. Как отметил М. Г. Ярошевский, «вряд ли можно назвать другое научное сочинение (речь идет о книге «Рефлексы головного мозга», 1-е изд. — 1863 г., 2-е изд. — 1866 г. — *И. Д.*), которое вызвало бы... столь значительный социальный резонанс» [73, с. 122].

Полагаю, что причин «сдержанной» реакции прессы на неизбрание Сеченова в Академию наук две. Во-первых, в случае с Иваном Михайловичем трудно было разыграть как националистическую (антинемецкую) карту, так и карту политическую (зловредное влияние на передовую русскую науку «реакционного большинства» Академии). И особенно трудно это было сделать после 11 ноября 1880 г., так как получалось, что, к примеру, такие «реакционеры», как Шренк, Штраух и Максимович поддерживали Сеченова, имевшего стойкую репутацию «нигилиста и аморалиста», да еще и друга ссыльного Н. Г. Чернышевского, и не поддержали политически вполне лояльного Менделеева. Во-вторых, активная публичная защита Сеченова была чревата неприятностями с властями, поскольку его научные труды балансировали на пределе цензурных возможностей того времени. Как писал цензор по поводу «Рефлексов головного мозга», «автор хотя нигде прямо не касается религиозных верований и нравственных или политических начал, но тем не менее подрывает их, проводя самым обширным образом идею материализма во все акты жизни человека» (цит. по [74, с. 407]).

Но вернемся к статьям Антоновича. В одной из них, опубликованной в той же январской книжке «Нового обозрения» за 1881 г., приводятся любопытные сопоставления:

...Будь он [Менделеев] выбран Академией, ему бы не пожать тех лавров, не удостоиться тех шумных восторженных всероссийских оваций, какие теперь достались на его долю. <...> Я покажу только, какова сила этих оваций в переводе на деньги и сопоставлю их с нашими филантропическими овациями тоже в переводе на деньги. Беру отчеты «Голоса». По 11 декабря прошлого года в конторе было: в пользу освобождаемых ссыльных «с преждеполученными» — 481 руб. 15 коп.; на учреждение премии имени Д. И. Менделеева по то же число «с преждеполученными» — 952 руб. 80 коп. ...По 29 декабря в пользу освобожденных прибавилось 36 руб., так что с преждеполученными стало 517 руб. 15 коп; по то же число на премию Менделеева прибавилось 2580 руб., так что с преждеполученными стало всего 3532 руб. 80 коп. <...> Самую крупную цифру на премию Менделеева внесло тов-во «Рагозин и К^о» (Менделеев в эти годы сотрудничал с нефтепромышленником В. И. Рагозиным. — *И. Д.*). Будем надеяться, что когда откроется подписка на премию имени г. Лисенки (К. И. Лисенко выступал в полемике по нефтяным вопросам на стороне Л. Э. Нобеля. — *И. Д.*), то товарищество «Нобель и К^о» тоже не ударит лицом в грязь [75, с. 316].

Антонович указывает на две группы («фракции») критиков, «недовольных менделеевской историей». Первые предлагают «русской партии» и вообще русским прежде всего критически посмотреть на самих себя, а не рассуждать на манер гоголевского героя — «нет житья русскому человеку: все немцы мешают». Эта фракция утверждает, что среди русских аферистов и казнокрадов более, чем среди немцев, и потому пополнять Академию наук широкими русскими натурами вредно и опасно. Антонович с этим не согласен, ему ближе мнение второй «фракции той же партии», фракции умеренной и спокойной. Она, эта «фракция», «не питает ненависти к ученым немцам», хотя очень сожалеет о забаллотировании Дмитрия Ивановича. Однако, как полагают «умеренные», «если действительно Академия есть такое ничтожество, как это пишут в газетах и кричат в публике, то не следовало бы украшать и возвышать ее введением в ее среду русского ученого светила. Дмитрию Ивановичу следовало бы отказаться от кандидатуры в Академию... Тогда все овации ему, все нападки на Академию были бы неподдельны, неподкупны, бескорыстны; а теперь в них слышится раздраженный голос оскорбленного самолюбия, неприятный тон мести и худо скрываемая досада...» [75, с. 321–322]²⁵.

На мой взгляд, в этих словах есть значительная доля истины. Академия делала немало полезного для страны и для науки, ее члены отнюдь не служили элементами декора академических интерьеров, но Менделеев по своему таланту, а главным образом — по темпераменту и широте натуры не вмещался в рамки василеостровского пантеона русско-немецкого бессмертия, эта контора была не для него, ему Господь выдал билет на другой поезд, и в мягком вагоне с надписью «ФМО АН» ему делать было нечего, там ехали другие люди, очень достойные и талантливые, но другие. Вернемся, однако, к статье Антоновича.

...Какой-нибудь круглейший невежда, — журналист теперь принялся за прессу, — не умеющий понять разницы между специалистом и социалистом, между процессом и прогрессом, вдруг обдаёт грязью Академию, печатно лягает своим копытом лично и поименно немцев-академиков, которые достойны всякого уважения, которые украшают русскую науку, которые пользуются всемирною научною известностью, которые глубоко, бескорыстно, с любовью преданы науке, неумоимо рабо-

²⁵ Ф. М. Достоевский предлагал более радикальный вариант: «...Почему бы не завести нашим русским ученым своей вольной Академии наук (пожертвования)» [76, с. 54].

тают для нее... И вдруг в этих самых ученых публично плюют, даются им печатные пощечины невежественными и нечистыми руками! <...> Круглое невежество под видом защиты Дмитрия Ивановича наносит незаслуженное оскорбление ученым и науке! Мы удивляемся, почему Дмитрий Иванович не отказывается от таких защитников, почему ученые не протестуют против таких оскорблений [75, с. 321–323].

Вместе с тем Антонович высказывает сожаление, что Менделеев как будто охладел к своей любимой науке, которая столь многим ему обязана, что

Дмитрий Иванович ... тратит свое время, свой ум и силы на препирательства с Нобелем, на нефтяной вопрос, превращается в «бухгалтера», составляющего сметы и счета постройки заводов. Слова нет, и нефтяной вопрос важен, но для него достаточно и одного г. Лисенко, и заводы важны, но вопросы о них тоже можно было бы предоставить товариществам Нобеля и Рагозина. <...> Он [Менделеев] сам себя поставил на суд общественного мнения...; очевидно, и другие имеют право разбирать его по косточкам, подвергать самой строгой, самой придирчивой критике каждый его ученый и общественный шаг и, может быть, не все устоит перед этой критикой [75, с. 323–324].

Можно не соглашаться или не во всем соглашаться с позицией Антоновича, но это была достойная позиция.

В литературе указывались разные причины столь широкой и длительной реакции прессы на «дело Менделеева». Упомянутый выше историк В. И. Модестов полагал, что

в последние годы (т.е. во второй половине 1870-х гг. — *И. Д.*) наше национальное чувство, так глубоко уязвленное постановлениями Берлинского конгресса (13 июня 1878 г.; на нем западные державы, прежде всего Австро-Венгрия, Англия и Германия, заставили Россию пересмотреть в ущерб для нее условия Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля 1878 г., подведшего черту русско-турецкой войне 1877–78 гг. — *И. Д.*), действительно стало щекотливее, а условия для его излияния с весны нынешнего года (видимо, речь идет о начале так называемой «диктатуры сердца» графа М. Т. Лорис-Меликова, вставшего во главе учрежденной 12 февраля 1880 г. «Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка» и сочетавшего репрессии против революционеров с послаблениями по отношению к либералам. — *И. Д.*) стали благоприятнее. Если к этому присоединить законное, накипевшее от ряда неудач раздражение против Академии со стороны Петербургского университета, то объяснение начавшегося движения против Академии или, что то же, живых манифестаций в честь Менделеева, и готово [63, с. 2].

Современный американский исследователь М. Гордин обращает внимание на то, что в антиакадемической газетной кампании звучали две темы: антибюрократическая и националистическая [10, с. 280]. Первая тема была главной. Критикуя, и во многом справедливо, Академию как оторванное от жизни и общественного контроля учреждение, где правит бюрократический произвол, где дела ведутся кейсно и где зажимают русские таланты, газеты критиковали ход и характер самих великих реформ, их незавершенность и непоследовательность. Академия наук являла собой едва ли не единственный пример крупной государственной структуры, не ставшей в 1860–1870-х гг. объектом реформирования, хотя намерения таковые, а также определенные подготовительные действия имели место и даже обсуждались в печати (см. [5, с. 75–100]). При этом, как отмечает Гордин, «если для русских националистов и либералов Академия служила примером того, как недалеко

зашли Великие реформы, то для прибалтийских немцев эта история (с реакцией на забаллотирование Менделеева. — *И. Д.*) свидетельствовала о том, что реформы зашли слишком далеко» [10, с. 288]. Доводы Гордина представляются мне вполне убедительными. К приведенным им выводам и замечаниям хотелось бы добавить некоторые соображения об образе науки в общественном мнении (речь идет о так называемом «прогрессивном общественном мнении») пореформенной России. Характерным примером могут служить взгляды А. И. Герцена, который, как известно, получил кой-какое естественно-научное образование в Московском университете и который об Академии наук писал примерно то же, что и газеты: «Она (Академия. — *И. Д.*) так и осталась какой-то баркой, на которой плывут эмигранты-эксперты из любви к науке и к злату... Что она сделала для народа, кроме издания месящеслова?» [77, с. 21–22].

Наука, в понимании Герцена, — последнее слово всей культурной истории человечества, «ею решаются и должны решаться все основные вопросы современности, главный из которых — *правильное социальное устройство*. Поэтому научное доказательство для публициста Герцена должно было приводить людей к *немедленному изменению их мышления и создаваемой ими действительности*. <...> Наука [для Герцена] — момент, а главное — жизнь, преобразование надоевшей действительности» ([78, с. 187–190], см. также [79]).

Наука, иными словами, это всегда средство для перестройки общества, распространение образования и науки в России играет огромную «очищающую роль», они очищают мысль «от всего традиционного хлама» [80, с. 348]. Потому-то столь сложен и небыстр был процесс профессионализации науки в России, что «передовая» общественная мысль, заметная влияющая на студенческие головы, воззрилась на науку как на своего рода очистительную клизму Просвещения. Самое главное, чего не поняли Герцен и многие передовые мыслители в западной науке, так это именно ее профессионализм, «представляющий не столько “выдержанный и глубокий труд”, сколько особую культуру ее общения. В результате герценовские призывы к прогрессу оказывались не менее реакционными, чем действия народо-вольцев. Эти призывы дезориентировали идущую в науку молодежь, заставляя ее превращаться из специалистов в “людей жизни” (Герцен), “критически мыслящих личностей” (Лавров) и т.п., то есть вновь и вновь проходить путь от изучения коперниканской революции до создания революционных газет» [79, с. 34].

Еще более убогими представляются взгляды на науку Д. И. Писарева, который научное исследование описывает исключительно в терминах: «окинуть орлиным взором», «набросать широкими штрихами великую картину, полную живого смысла» и т.д. [81, с. 55]. Не случайно последователи Герцена и Писарева — от гимназистов до Н. А. Морозова-шлиссельбуржца — замороженно глядели на Периодическую систему, мало сознавая суть и проблемы теории периодичности.

«...Оказалось..., что от роли ревнителей Просвещения до роли гонителей профессиональной науки — всего один шаг, который и совершила революционно-демократическая журналистика» [78, с. 195–196], называвшая такую науку «официальной», «сухой и дряблой», полагая ее неспособной постичь ни сокровенные загадки Природы, ни тайну и скуку исторического времени.

Но вернемся к главным героям моего рассказа — Менделееву и Бутлерову.

Высокая болезнь

Видимо, Дмитрий Иванович постепенно стал понимать нелепость и двусмысленность своего положения. Он действительно оказался «поводом», но не к серьез-

ному разговору о судьбе российской науки, а к пустой, мелкой и лживой газетной кампании.

Из письма Менделеева к Анне Ивановне Поповой от 21 января 1881 г.:

Делается со мной, дорогая Аня, неладное, точно и сам не знаю. <...> Противны эти разные адреса и почеты, так же как и всякие нападки... [82].

Он устал, устал от всего — от неопределенности своего семейного положения, от азарта газетной шумихи, от студенческих волнений в университете, от сочувствующего ракушечного шепота коллег за спиной, от затянувшихся нелепых отношений с РТО по поводу его неудавшихся работ по физике газов.

Бутлеров же, наоборот, был бодр и настойчив, да и повод напомнить Академии о своих принципах вскоре представился.

После забаллотирования Менделеева Александр Михайлович предполагал выдвинуть кандидатуру Н. Н. Бекетова и ждал появления его подробной статьи с описанием опытов, за которые харьковский профессор в ноябре 1880 г. был награжден Ломоносовской премией.

22 декабря 1881 г. академик Гадолин вместе с академиками Вильдом, Гельмерсоном, Шренком и Савичем, не предупредив Бутлерова, внесли предложение об избрании Ф. Ф. Бейльштейна прямо в ординарные академики по разряду технологии и прикладной химии.

19 января 1882 г. Бутлеров выступил с протестом, детальнейшим образом разобрав все научные труды Бейльштейна и убедительно показав, что тот не достоин академического кресла.

Без сомнения, — заключил Александр Михайлович, — и после устранения неточностей и преувеличений, допущенных в представлении г. академиками, его подписавшими, за г. Бейльштейном остается немало действительных научных заслуг; но заслуги эти принадлежат не прикладной химии: они преимущественно заключаются в терпеливой и удачной детальной разработке фактических подробностей, путь к которой был намечен теоретическими воззрениями Кекуле и некоторых других. В самом создании этих воззрений г. Бейльштейн участия не принимал; г. Бейльштейна нельзя считать научным мыслителем, прибавившим какой-либо свой оригинальный вклад в научное сознание [13, с. 257].

Доклад Бутлерова [83, с. 68–74] поражает как своим объемом (который равен суммарному объему трех его главных научных статей 1862 г.: «О химическом строении веществ», «О сродстве многоатомных паев» [83, с. 75–78] и «Об аминах» [83, с. 79–82]), так и скрупулезностью анализа публикаций Бейльштейна и текста представления его в академики. По существу, этот памятник научно-критической мысли почти никаких возражений не вызывает. Одно лишь озадачивает душу: неужели Александр Михайлович всерьез считал, что труды Н. Н. Бекетова являют собой «оригинальный вклад в научное сознание»? Разве заслуги харьковского «химика-философа», как его часто называли, не заключаются преимущественно «в терпеливой и удачной разработке фактических подробностей» тех термохимических воззрений и подходов, в *создании* которых он сам участия не принимал? Сравнительно с исследованиями Р. Клаузиуса, У. Томсона (лорда Кельвина), Дж. У. Гиббса, А. Ф. Горстмана, Л. Пфаундлера, Г. Гельмгольца — называю только тех физико-химиков, чьи основные работы были опубликованы до 1882 г., — «физико-химия» Бекетова носит наивно-патриархальный характер. (Покойный профессор Р. Б. Добротин называл его «серым термохимиком».) И современники Николая Николаевича это сознавали, что видно хотя бы из двух приводимых ниже выска-

званий. Так, Менделеев писал по поводу бекетовской концепции динамического химического сродства (химическая энергия зависит от движения атомов элементов): «Для понимания истинных отношений сродств еще далеко не достаточно и тех дополнений к механической теории химических явлений, которые дает Бекетов» [26, с. 744]. Еще более откровенно выразился П. И. Вальден:

Был ли он [Бекетов] достаточно подготовлен для этой работы экспериментатора и теоретика в новой области физико-химии? С современной точки зрения (а к началу 1880-х гг. эта точка зрения на характер и направление физико-химических исследований уже вполне оправдалась. — *И. Д.*) на это следует ответить отрицательно. По ходу образования он не получил достаточно основательной подготовки по теоретической физике и математике, т.е. по тем наукам, без которых успешная деятельность физико-химика весьма затруднительна [84, с. 126].

Разумеется, в известном смысле Бекетова можно было считать третьим химиком России после Менделеева и Бутлерова, но, *во-первых*, слишком велика дистанция, а *во-вторых*, делать это можно было, только закрыв глаза на то, что в области физико-химии происходило за рубежом. Что же касается лучших работ Бейльштейна, который действительно звезд с неба не хватал, то они выглядели весьма уважаемо и отвечали тогдашнему уровню исследований в трудной области химии ароматических соединений. В целом же можно сказать, что в начале 1880-х гг., кроме Менделеева, действительно достойных (достойных, как говорится, по мировым стандартам) кандидатур на академическое место в России не было, они появились и проявились несколько позже, с конца 1880-х гг.

Но как бы то ни было, интрига в Академии вокруг химической вакансии продолжала развиваться. На том же заседании 19 января 1882 г. было зачитано письмо А. Кекуле, тогда профессора Боннского университета, с положительной характеристикой работ Бейльштейна и даже с замечанием, что, «по-видимому, заслуги Бейльштейна недостаточно ценятся в Петербурге» (цит. по [53, с. 141], см. также [13, с. 136]).

Из статьи Бутлерова в газете «Русь»:

Итак, Бонну была принесена академическая жалоба на Петербург, и постыдный обычай обращаться за приговорами к немецким ученым (а к кому еще было обращаться, если русский академик, усердно повторявший, что по смерти Зинина он в Академии один-единственный компетентный специалист по химии, сначала на одно вакантное место выдвигал две «разновеликих» кандидатуры, а затем упорно проталкивал уже из другой пары кандидатов одного, хотя «при безотносительной оценке»²⁶ их заслуги выглядели вполне соизмеримыми) не оставлен еще и донныне [12, т. 3, с. 136].

После доклада Бутлерова в Отделении авторы представления Бейльштейна заявили, что им, прежде чем отвечать, надо ознакомиться с докладом более детально. Но вместо того, чтобы отложить баллотирование Бейльштейна, ФМО решило провести голосование немедленно, в том же заседании. Бутлеров почему-то воспринял это решение как направленное против него («очевидно, дело было предрешиено и большинство — уверено в легкой победе» [12, с. 137]). На мой взгляд, возмущаться должны были скорее авторы представления Бейльштейна, ведь это *их* лишили возможности выступить в ФМО с ответным докладом до голосования. Выступление Бутлерова выглядело очень убедительным (и таковым было по

²⁶ Выражение Бутлерова.

сути), поэтому вполне могло случиться, что кто-то из сторонников Бейльштейна, выслушав веские аргументы единственного химика Академии, изменил бы свою позицию, несмотря на то, что все уже «было предрешено». Но Бейльштейн действительно был избран на Отделении, причем 12 голосами против 4. Цифры выразительные, они говорят о том, что многие из тех, кто голосовал за Менделеева в ноябре 1880 г., теперь голосовали за Бейльштейна, т. е. доводы Бутлерова их не убедили, и, следовательно, позиции последнего в Академии заметно ослабли. Разумеется, члены ФМО не сомневались в компетентности Бутлерова как химика, но они, по-видимому, не были уверены в его беспристрастности, да и оскорбительная газетная шумиха не способствовала доверию к выступлениям Александра Михайловича. И тогда тот решился на весьма нетривиальный по тем временам шаг. Он обратился к своему давнему знакомому и дальнему родственнику, издателю московской славянофильской газеты «Русь» И. С. Аксакову с вопросом: не поместит ли тот его (Бутлерова) пространную статью о безобразиях в Академии, творимых «немецкой партией».

«Разумеется, да, не только согласен, но благодарен, рад, нетерпеливо жду», — телеграфировал в ответ славянофил Аксаков. Для газетчика «с направлением», как тогда говорили, получить такую информацию прямо из «логова» антирусской оппозиции, да еще от такого осведомленного человека — это ж подарок судьбы. Аксаков даже скучное бутлеровское название — «Современные материалы к истории Академии наук» заменил более звонким: «Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?»

Возможно, московская «Русь» была выбрана Бутлеровым не только по причине его свойства с И. С. Аксаковым. Там, в древней столице, патриотические настроения были если и не сильнее, чем в Петербурге, то по крайней мере имели менее казенную окраску, что примерно в то же время было подмечено А. П. Чеховым.

Из письма Чехова С. Крамареву от 8 мая 1881 г.:

Приезжай в Москву!!! <...> Приезжай!!! Все дешево. Штаны можно купить за гривенник! А патриотизму... сколько!!!! <...> Приезжай!! [85, с. 40].

Бутлеров не поленился и сам съездил в Москву, чтобы передать статью прямо в руки издателю. «Обвинительный акт» (Аксаков) Академии был опубликован в двух номерах «Руси» за 13 и 20 февраля 1882 г. Накануне, 12 февраля, Общее собрание АН решило провести баллотировку кандидатуры Бейльштейна, избранного ФМО ординарным академиком, 5 марта.

Но этого мало. На упомянутом выше заседании ФМО 19 января кроме письма Кекуле было оглашено письмо Ш. Вюрца, также в поддержку Бейльштейна. Если с Кекуле у Бутлерова были довольно-таки сложные отношения по причине приоритетной полемики в связи с созданием теории химического строения, то с Вюрцем можно было чувствовать себя свободней.

Из письма Бутлерова Вюрцу от 15 февраля 1882 г.:

Знали ли Вы, давая эту рекомендацию, что дело идет о том, чтобы открыть г. Бейльштейну дверь, которая немного более года назад была закрыта перед г. Менделеевым, и что в настоящий момент г. Бейльштейн представлен в Академию гг. Вильдом, Гадолиным (физиками), Гельмерсеном (геологом), Шренком (зоологом) и Савичем (астрономом), тогда как я, единственный химик Академии, имел в виду представить г. Бекетова, что эти господа хорошо знали?

Дали бы Вы Вашу рекомендацию, дорогой Коллега, если бы Вам были известны подробности этого дела? [13, с. 260] (см. также [86, с. 130–133]).

И далее идет детальное, на 11 почтовых страницах, изложение событий с выдержками из его (Бутлерова) доклада на Отделении 19 января. А в конце приписка: «Мне совершенно необходимо получить Ваш ответ до 2 (14) марта, чтобы иметь еще возможность своевременно сообщить его Академии, как это было сделано г. Гадолиным с Вашей рекомендацией» [13, с. 262]. Смысл этой приписки совершенно очевиден: коли ты, мой дорогой Коллега, написал не то, что нужно, так поторопись исправить ошибку. Как сказано в публикации Т. В. Волковой, нашедшей копию этого письма в Архиве РАН, «ответа Вюрца в бумагах Бутлерова не обнаружено» [87, с. 1304]. М. Гордин охарактеризовал это послание Бутлерова как «*nasty letter*» [10, с. 265]. Оно, конечно, так. Вообще же действия Бутлерова в академических историях 1880-х гг. в целом, при всем благородстве побудительных начал, заставляют вспомнить слова о том, что зло начинается с пены на губах ангела, вступающего в битву за добро, истину и справедливость [88, с. 136]. Эти же слова вспоминаются, когда познакомишься с любопытным документом из бутлеровских бумаг в Архиве РАН (С.-Петербургский филиал), озаглавленном «Академические прегрешения по моему собственному наблюдению. Со времени моего поступления в Академию. Перечень для памяти» [13, с. 283–285]. Этот пространный мартиролог выказывает поистине *немецкую* педантичность Александра Михайловича.

Усилия Бутлерова возымели действие: 5 марта на Общем собрании АН Бейльштейна забаллотировали со счетом 17 — «за» и 10 — «против», ему не хватило одного голоса.

Из письма Бутлерова В. И. Ламанскому от 5 или 6 марта 1882 г.:

Мы просидели (на заседании Общего собрания. — *И. Д.*) до 5-го часа <...>. Чебышев и Безобразов положили, очевидно, белые [шары]; Куник не пришел. Я думал, что и Чебышев, по меньшей мере, не придет, белым — он меня удивил, потому что сам говорил прежде, что положит черный [13, с. 266].

Видимо, Пафнутий Львович имел обыкновение на всех баллотировках кидать шары только одного цвета. Есть такой вид академического дальтонизма.

Некоторое время Бутлеров еще боролся за кандидатуру Бекетова, даже к новому президенту АН графу Д. А. Толстому (который по совместительству нес непосильное бремя министра внутренних дел и шефа жандармов, — что поделаешь, как писал А. С. Пушкин, «бывают странные сближения») обращался, но тот принял мудрое решение: «допускать вообще только такие предложения к выбору, где обеспечены шансы на успех ... иначе возникли бы новые тревожения». В шансах же Бекетова министр уверен не был, но заверил Бутлерова, что, «конечно, и представление помимо Вас какого-либо другого лица противной ... стороной допущено не будет» [13, с. 240].

За Менделеева же Бутлеров уже и не хлопотал, потому как знал о его задушевных отношениях с графом Дмитрием Андреевичем, который, умирая в 1889 г., внушал К. С. Веселовскому: «Только помни, Менделеева в Академию ни под каким видом...» [89, с. 119].

Лишь в октябре 1886 г. Бекетов и Бейльштейн стали академиками. Менделеева же время от времени пытались ввести в состав Академии, но каждый раз по тем или иным причинам сделать это не удавалось даже тогда, когда там уже не было ни Гадолина, ни Вильда, ни Шренка, ни Гельмерсена, ни Веселовского (см. [7, с. 216–218]).

Возвращаясь к февралю 1882 г., замечу, что статья Бутлерова в газете «Русь» вызвала некоторое оживление внутри и вне Академии, но вскоре все затихло. Полагаю, что статью эту при всем ее фактологическом богатстве нельзя отнести к лучшим работам почтенного академика. И дело не только в неточности многих

утверждений автора, но и в самом ее характере. Это не глубокое и обстоятельное размышление о судьбах отечественной науки, а, скорее, сочинение на тему «Я и Академия наук», в котором, как справедливо заметил С. И. Романовский, «просто сводились счеты с “академическими немцами”» [8, с. 88].

Менделеев — возможно, именно по прочтении опуса Бутлерова — начал диктовать (20 и 23 февраля 1882 г.) свою статью «Какая же Академия нужна в России?». Дмитрий Иванович с первой же страницы выводит вопрос из плоскости личных интересов, бед и обид, более того, он даже оставляет в стороне разговор о причинах недостатков Академии, отметив только (правда, несколько сгустив краски), что это учреждение «не имеет никакого значения не только для интересов России, но даже и просто для того кружка лиц, который держится близ [него]» [44, с. 220].

В настоящей статье нет ни возможности, ни необходимости детально останавливаться на академическом проекте Менделеева, поэтому далее я укажу лишь на его главные, стержневые идеи:

1. Государству на каждом шагу нужно заботиться о науке для того, чтобы идти правильно в различных своих мероприятиях <...>.

Вот эту (т. е. экспертную. — *И. Д.*) роль Французская Академия выполняет, и всякое новое дело по всем ведомствам во Франции, так сказать, проходит через цензуру Парижской Академии наук. У нас же для этой цели существуют в каждом министерстве свои ученые комитеты. Во-первых, это дорого, во-вторых, это неудовлетворительно, а потому если должно признать связь между наукой и государством, то эту связь надо ближе всего искать в той функции академий, которую они в прежнем своем типе совершенно не имели...

Отсюда вывод следующий. Устранив от академий обязанности педагогические и обязанности в кабинете разрабатывать науку, потому что на эти обязанности и без того достаточно людей, за Академией останутся двоякие обязанности: во-первых, центрального ученого общества..., во-вторых, центрального ученого комитета, в распоряжение которого должны перейти и предприятия государственного значения...

Вот такая Академия в действительности государству нужна, она может быть одна... [44, с. 238–239].

2. Состав Академии, действительно русской и действительно составляющей центральное высшее ученое учреждение России, может и должен пополняться не только лицами, живущими и находящимися в Петербурге, но и лицами, действующими где бы то ни было в России... [44, с. 240].

3. ...Сравнительно большое число членов необходимо для современной академии наук... потому... что количество специальностей прибавляется, можно сказать, каждый десяток лет... [44, с. 240].

4. Высшие научные силы России «могут восполняться тремя путями: во-первых, избранием в отделениях самой Академии, во-вторых, избранием в одном из русских университетов (по контексту ясно, что речь идет о всех российских университетах. — *И. Д.*)..., а также в других высших учебных заведениях» и в-третьих, — избранием учеными обществами России, «если не всеми, то по крайней мере определенным...» [44, с. 242]. Окончательное же избрание происходит на Общем собрании Академии. При этом «инженер, построивший мост или железную дорогу особенно хорошо, сообразно и современно... может быть членом Академии» [44, с. 244].

5. По моей мысли, академики жалования не получают, участвуют все одинаково в решении по делам, касающимся научных интересов. Но когда на данного академика Академия наук возложит известного рода обязанность, которая непременно должна быть [им]... исполнена..., [то] тогда этот академик и лица, около него находящиеся для исследований..., получают вознаграждение по мере тех средств, которые будут иметься в распоряжении Академии. Тогда придется так, что за работу будет уплачено, как это делается в жизни, и что должно считать правильным. Академия не будет своего рода синекурой и пенсией за службу науке, она будет центральным ученым учреждением [44, с. 254–255].

Остальные предложения Менделеева касались порядка академических публикаций, ведения заседаний и других вопросов.

Однако Дмитрий Иванович, видимо, осознав вскоре, что все это не более чем прожекты, прекратил диктовку и нерасшифрованную стенограмму положил в свой архив, тем самым закрыв для себя свое «академическое дело». Фактически его статья отвечала не только на вопрос, сформулированный в ее заглавии, но и на вопрос, вынесенный в заголовок статьи Бутлерова: России нужна мощная государственная — и в этом смысле императорская — Академия наук, т. е. Академия, отвечающая государственным интересам Империи, главнейшим из которых, по его убеждению, является приоритетное развитие национальной промышленности и реального образования.

Пережив кризисные для него 1878–1881 гг., Менделеев во многом стал другим — его главные интересы окончательно вышли за рамки чисто естественно-научных, он ищет и находит контакты с правительственными кругами, надеясь с их помощью реализовать задуманную им широкую социально-экономическую программу модернизации страны. Провал на выборах в Академию стал одним из тех обстоятельств, которые заставили его задуматься о дальнейшем жизненном пути и которые в итоге способствовали раскрытию новых граней личности Менделеева и формированию его нового образа в глазах современников и потомков. Что же касается самой «академической истории», то о ней он вспоминать не любил и двадцать шесть лет спустя в беседе с корреспондентом одной московской газеты высказался коротко и просто: «Я думаю, им самим потом было стыдно» [90, с. 2].

Прошло совсем немного времени после этого интервью, и, выступая на Общем собрании Академии наук 3 февраля 1907 г., спустя две недели после кончины Менделеева, добрейший Николай Николаевич Бекетов сказал: «Знаменитый наш русский химик состоял нашим членом-корреспондентом с 1876 г., ...наша Академия очень рано ... оценила ученые труды Дмитрия Ивановича» (цит. по [7, с. 402]).

Им — не бывает стыдно.

Приложение

В анонимной статье «Zur Nichtwahl Mendelejew's» утверждалось:

Спорный перечень работ г-на Менделеева включает 58 наименований²⁷. Между тем, как известно, при рассмотрении трудов кандидата в академики не учитываются чисто литературные сочинения, т. е. работы педагогического или админист-

²⁷ Этот перечень опубликован в статье Г. А. Князева «Д. И. Менделеев и царская Академия наук (1858–1907)», см. [3, с. 321–322]. — *Здесь и далее примечания автора.*

ративного характера (как, например, учебники, компиляции, отчеты о выставках и инспекционных поездках, программы наблюдений и исследований по уже известным методикам и т. д.). Поэтому из представленного списка работ г. Менделеева нам пришлось с самого начала выбросить 12 названий как совершенно бесполезный балласт. Кроме того, если собрать под одним номером в списке статьи, в коих излагаются результаты одного и того же исследования, а также работы, представляющие собой либо разные фрагменты уже опубликованных сочинений, либо сугубо предварительные сообщения, то перечень из 58 названий сократится примерно до 30 позиций. Эти 30 работ могут быть в той или иной мере приняты во внимание. Их можно, в свою очередь, разбить на три группы: химические, физико-химические и физические.

Из собственно химических публикаций мы вправе не относить к научным работам по крайней мере две, относящиеся к 1850-м гг., поскольку они посвящены анализу минералов и являются ученическими²⁸. Хотя выполненные по уже известным методикам анализы продуктов земледелия и пахотной земли, которые г-н Менделеев проводил или мог проводить время от времени в 1860-х гг. в рамках сельскохозяйственных опытов, инициированных им в Императорском Вольном экономическом обществе, равно как и сопоставление полученных результатов заслуживают гораздо более высокой оценки, мы, тем не менее, не имеем возможности их обсуждать, поскольку за первым, предварительным отчетом об успехах этих опытов (1872) дальнейших сообщений, подтверждающих сделанные выводы, не последовало. Во всяком случае, это единственная экспериментальная работа Менделеева в области прикладной химии, если ее вообще можно считать экспериментальной химической работой.

Первую чисто химическую работу Менделеева — о сернисто-энантиоловой кислоте (1859)²⁹, к сожалению, следует считать незавершенной, поскольку ему не удалось эту кислоту выделить. На Первом съезде русских естествоиспытателей в Петербурге (28 декабря 1867 — 4 января 1868 г. — *И. Д.*) г-н Менделеев сделал (31 декабря. — *И. Д.*) предварительное сообщение о новом углеводороде, открытом им и Фрицше³⁰. Однако это сообщение, видимо, было не только предварительным, но и поспешным, т. к. позднее об этом углеводороде никогда больше речи не было, и, кроме того, оставалось совершенно непонятным, каким образом это ошибочно заявленное соединение можно было выделить. В то же самое время Менделеев сделал доклад «О нитрилах»³¹, где сообщил, что он получил новый изомер производного уксусной кислоты — анилиннитрил³². Однако, как позднее показал Валлах (O. Wallach), этот новый нитрил был не чем иным, как обычным анилином. Почти в то же время, в 1868 г., г-н Менделеев в заметке, опубликованной

²⁸ Речь идет о статьях Менделеева «Chemische Analyse des Orthits aus Finnland» (Verhandl. Russisch-kais. mineralog. Ges. Jg. 1854. S. 134–239) и «Pyroxen aus Ruskiala in Finnland» (Ibid. Jg. 1856. S. 207–210).

²⁹ О сернисто-энантиоловой кислоте // Хим. журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта, 1859. Т. 1. Кн. 2. С. 146–158; перепечатка на нем. яз. в: Bull. Classe phys.-math. Acad. sci. St. Petersburg, 1859. Т. 3. № 22 (406). Col. 350–352.

³⁰ Фрицше Ю. Ф., Менделеев Д. И. О новом углеводороде из каменноугольного дегтя // Труды I Съезда русских естествоиспытателей. СПб., 1868. Отд. III. (Паг. 4). С. 71–72.

³¹ Труды I Съезда русских естествоиспытателей. СПб., 1868. Отд. III. (Паг. 4). С. 56–60.

³² Менделеев ошибочно считал, что подобно тому, как есть два изомера ацетонитрила — CH^3CN и HCNCH^2 , существуют также два других изомера: $\text{C}^6\text{H}^3\text{CNCH}^2$ — уксусноанилиламиновый нитрил и $\text{C}^6\text{H}^4\text{CNCH}^3$ — уксусноанилиновый нитрил, о получении которого дегидратацией ацетанилида ($\text{CH}^3\text{CONHC}^6\text{H}^5$) он и заявил в упомянутом выше докладе.

в «Zeitschrift für Chemie»³³ утверждал, что пропиловый спирт, обнаруженный Шанселем (Chancel) в сивушном масле, в действительности не существует. Однако в том же году Фиттиг показал, что Менделеев ошибся. Пропиловый спирт существует и уже в течение ряда лет имеет техническое применение, и его изготавливают на продажу.

То, что г-н Менделеев смог принять обыкновенный анилин за новый нитрил, но не смог выделить пропиловый спирт из сивушного масла дробной перегонкой, даже неспециалистам позволяет судить о том, в какой мере он владеет химическими манипуляциями и методами исследования.

Видимо, вследствие этих неудач г-н Менделеев потерял всякий интерес к экспериментальной химии; по крайней мере с тех пор он окончательно повернулся к ней спиной. Именно тогда г-н Менделеев обратился к не требующим особого труда теоретическим спекуляциям в области химии, коим он отдавал явное предпочтение с самого начала своей научной деятельности. После нескольких исследований в различных направлениях, не давших результата, его усилия достигли своего апогея в работе о периодической законности химических элементов, о которой он сначала доложил в 1869 г. Русскому химическому обществу, а затем опубликовал свою систему элементов (со значительными изменениями) в пространной статье в «Анналах» Либиха («*Libieg's Annalen der Chemie und Pharmazie*»). Известный химик-теоретик Лотар Мейер назвал эту работу «заслуженно прославившейся», правда, добавив при этом, что «г-н Менделеев ни одним словом не упомянул о том, что он (т. е. Л. Мейер. — *И. Д.*) сделал в этом направлении»³⁴. Здесь не место для выяснения того, насколько справедливо это замечание Л. Мейера, и тем более не место для выяснения обоснованности приоритетных притязаний на открытие периодической законности со стороны англичанина Ньюлендса (Newlands). Однако даже если г-ну Менделееву принадлежит нераздельная заслуга в этом деле, тот, кто эту абстракцию (т. е. Периодический закон. — *И. Д.*), содержащую еще много сомнительных и произвольных допущений, чисто эмпирическую, т. е. не обоснованную глубже в самой себе, сравнивает с предсказанием (Deduktion) Леверрье (Le Verrier) планеты Нептун (а это в то время делали многие, в том числе и Л. Мейер. — *И. Д.*), тот навлекает на себя подозрение в том, что ему недостает должного понимания великого открытия Леверрье. Сколь бы ни были велики достижения г-на Менделеева в умозрительной химии (in der spekulativen Chemie), сами по себе они в любом случае не те, которые требуются от академика по технологии. Поэтому и химическое умозрение (Spekulation) Менделеева самого последнего времени — его гипотеза о происхождении нефти — также не может рассматриваться как то, что дает право на академическое место (als Titre für jene Stelle).

Из трудов Менделеева в области физической химии, не содержащих каких-либо безрезультатных умозрений, можно упомянуть лишь три: работу по определению уже известными методами удельных весов и коэффициентов сцепления нескольких органических жидкостей (1860)³⁵, небольшое исследование о расшире-

³³ Über den Gährungs-Propylalkohol (Briefliche Mitteilung an F.B. [Beilstein]) // *Zs. f. Chem.*, 1869, Jg. 11. N F. Bd. 4. S. 25.

³⁴ Точная цитата из работы Л. Мейера: «Hr. Mendelejeff hat so ziemlich alles, was ich zu seiner Arbeit hinzugefügt, in seine mit Recht berühmte Abhandlung: "Die periodische Gesetzmässigkeit der chemischen Elemente" als richtig aufgenommen, mich und meine Arbeit aber mit keiner Sylbe erwähnt» // *Meyer L. Zur Geschichte der periodischen Atomistik // Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft*, Jg. 1880. Bd. 13. S. 259–265; S. 263.

³⁵ Частичное сцепление некоторых жидких органических соединений // *Хим. журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта*. 1860. Т. 3. Кн. 2. С. 81–97; Кн. 3. С. 145–170; Т. 4. Кн. 2. С. 65–95.

нии жидкостей при нагревании выше точки кипения, выполненное в 1861 г. в Гейдельберге³⁶, и, наконец, его докторскую диссертацию «О соединении спирта с водой» (1865). Хотя в последнем труде химическая часть не содержит ничего нового, — более того, подобное исследование уже было доложено Зёммерингом (Sömmerring) и Субераном (Soubeiran)³⁷, — а все новое, что есть в физической части, касается главным образом улучшенного варианта пикнометра, тем не менее эта диссертация представляет собой единственное экспериментальное исследование Менделеева, доведенное до конца и полностью изложенное. Но, к сожалению, полученный результат представляет собой то, что уже известно (repräsentirt das ganze Resultat derselben), только с незначительным прогрессом в отношении несколько большей точности.

В самое последнее время, т. е. приблизительно с 1872 г., г-н Менделеев обратился, по-видимому, почти исключительно к физическим спекуляциям и исследованиям. В силу того, что в настоящее время универсальный образ мыслей (universallen Geiste) сам по себе уже совершенно невозможен, две такие обширные научные области, как физика и химия, основательно изменились. Отсюда, ввиду незначительных позитивных достижений [Менделеева] в химической области, на первый план выступает вопрос, а не является ли г-н Менделеев скорее физиком, чем химиком? Увы, как показывают многочисленные теоретические и практические промахи, встречаемые в его физических работах, основу его знаний следует искать все же в области химии. Многочисленные заметки и сообщения, к примеру, о его новых приборах — дифференциальном барометре³⁸ и дифференциальном термометре³⁹ — указывают на полную недооценку им тех условий, которые при этом являются решающими, и потому все улучшения, даваемые этими инструментами, в действительности оказываются иллюзорными, и оба упомянутых прибора следует рассматривать лишь как бесполезные усложнения. И с каким бы упорством ни старались представить их в выгодном свете, они, без сомнения, будут преданы полному забвению так же скоро, как по тем же причинам это произошло с новыми весами с укороченным коромыслом, о коих г-н Менделеев доложил почти в то же время. Главная работа Менделеева в этой области — по крайней мере, если судить по расходам, произведенным Императорским русским техническим обществом — это его сочинение «Об упругости газов» (Ч. I. СПб., 1875. — *И. Д.*). Именно названному Обществу Менделеев предложил произвести новое и важное в техническом отношении экспериментальное исследование, касающееся выполнимости закона Бойля-Мариотта при давлениях выше и ниже одной атмосферы, исследование, которое должно было быть более точным, чем знаменитая работа Реньо, и Общество выхлопотало для этой цели 40 000 руб. Естественно, научная общественность и техники с нетерпением ожидали результатов этого исследования, в которое были вложены столь большие (groartigen) средства и на которое г-н Менделеев ссылался как на работу, включающую новые исправленные данные, о чем он писал в многочисленных (wiederholt) предварительных сообщениях и за-

³⁶ О расширении жидкостей от нагревания выше температур кипения // Горн. журнал. 1861. Ч. 2. № 4. Отд. 3. Химия. С. 141–152.

³⁷ Видимо, речь идет о следующих работах: *Sömmerring S. Th. Untersuchungen über den Wein und Weingeist* // *Journal für Chemie und Physik* / Hrsg. J. S. C. Schweigger, 1814. Bd. 10. Hf. 4. S. 463–483; *Soubeiran E. Sur la rectification de l'alcohole* // *Journal de Pharmacie*. 1839. Т. 25. P. 1–9.

³⁸ Предварительная заметка об определении высот дифференциальным барометром // ЖРФХО. Т. 5. 1873. Вып. 6. Отд. 1. С. 296–301.

³⁹ Новый дифференциальный термометр // ЖРФХО. Т. 7. 1875. Вып. 4. Часть физическая. Отд. 1. С. 61–62.

метках, опубликованных в различных отечественных и иностранных журналах. Упомянутое сочинение («Об упругости газов». — *И. Д.*) содержало также детальное описание и рисунки большого числа более или менее известных приборов, таких, как катетометр, зрительная отсчетная труба (Ablesefernrrohr), барометр и манометр, а также дифференциальный барометр, ртутный насос Топлера (Topler), который в России называется менделеевским (по поводу создания этого насоса Менделеев писал: «После того, как я устроил этот (сифонный. — *И. Д.*) насос, показал Физическому обществу (в апрельском заседании 1874 г.) и когда уже сделан был его рисунок, в июле узнал я от г. Гейслера в Бонне, что г. Тёплер в Риге несколько лет тому назад (в 1862 г. — *И. Д.*) устроил и описал... ртутный насос, начало которого совершенно такое же, как в моем приборе...» («Об упругости газов», с. 79. — *И. Д.*), аппарат для проверки закона Бойля-Мариотта при давлениях ниже одной атмосферы и т. д. Процедура верификации многих этих инструментов и методы исследования описаны с излишней обстоятельностью, тем самым усиливая при чтении этого сочинения ожидание его окончательного изложения, ибо столь большие затраты на вспомогательные инструментальные средства могут быть оправданы лишь многочисленными наблюдениями, ведущими к достижению главной цели всей работы. И можно представить наше разочарование, когда вместо этого мы обнаруживаем в конце сочинения изложенные менее чем на полутора страницах результаты наблюдений, выполненных в течение семи дней в феврале, марте и начале апреля 1874 г., которые охватывают лишь давления ниже одной атмосферы и относятся только к воздуху, водороду и углекислоте. Причем первые две серии опытов, с воздухом, были выполнены Кирпичевым и Менделеевым, третья серия, с воздухом, и четвертая, с водородом и углекислым газом, — одним Кирпичевым. Так как все сколь-нибудь подробные данные, касающиеся деталей этих наблюдений, отсутствуют, то читатель не в состоянии осуществить какой-либо контроль за исключением постоянного источника ошибок измерений и составить мнение относительно погрешности полученных результатов. А между тем в данной работе это тем более необходимо, что приводимые в ней результаты заметно отличаются от тех, которые дали в своих обстоятельных исследованиях Реньо и Зильештрем (Siljeström), а потому появляются справедливые сомнения в правильности менделеевских данных. Более того, последние, вследствие своей сомнительности, потеряли всякое позитивное научное значение после того, как француз Амага (Amagat) подтвердил своими детально (in extenso) изложенными превосходными исследованиями результаты Реньо, свидетельствующие о справедливости закона Бойля-Мариотта при пониженных давлениях⁴⁰. Конечно, упомянутое сочинение Менделеева представляет собой лишь первую часть целого, и он пообещал в ней и в других своих работах изложить дальнейшие детали во второй части, заявленной на следующий год.

Возможно, пока еще не опубликованная завершающая часть этой работы, включающая, кроме основного предмета всего исследования, а именно: проверки применимости закона Бойля-Мариотта при давлениях выше одной атмосферы, — также дополнения к предыдущей части, будет когда-нибудь представлена. Но пока доход от вложенной в науку и технику суммы, равной примерно 40 000 руб., может считаться потерянным. К сожалению, шансов на то, что окончание этой работы вскоре появится в печати, по-видимому, немного, поскольку г-н Менделеев вновь переключил свое внимание на другую тему, что видно, к примеру, из упомя-

⁴⁰ См. : Amagat E. H. Recherches sur la dilatation et la compressibilité des gaz // Annales de Chimie et de Physique. Quatrième série. 1873. Т. 29. P. 246–283.

нутаго списка его работ, в котором указано появившееся в печати — опять-таки в виде лишь первого выпуска — сочинение «О сопротивлении жидкостей и о воздухоплавании». Впрочем, и здесь г-н Менделеев удовлетворился повторением ... всего уже известного, тогда как новые результаты он обещал дать во втором выпуске, завершение которого, однако, можно ожидать лишь после того, как Морское министерство выделит значительные суммы, кои испрашивались г-ном Менделеевым для производимых им исследований⁴¹.

Подводя итог сказанному, автор или, скорее, авторы заметки отметили:

... подлинные научные заслуги г-на Менделеева относятся, во всяком случае, только к области умозрительной химии; в прочих же областях, и особенно в технологии, рядом с грандиозными проектами и обещаниями лишь незначительные достижения.

Поэтому нам вполне понятно, что Академия отказалась выбрать г-на Менделеева на вакансию по технологии; но совершенно непонятно, что при такой ясности дела не только газеты, но и ученые сводят неизбрание Менделеева только на национальные предубеждения и считают, что должны протестовать от имени оскорбленного русского общества. Общий интерес к науке в нашей стране еще так молод, что помехи ему призывом к расовой ненависти между ее представителями следует считать, по нашему мнению, весьма вредным и прискорбным делом.

Литература

1. Чехов А. П. Скучная история // Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1962. С. 271–332.
2. Князев Г. А. Д. И. Менделеев и Императорская академия наук // Вестник АН СССР. 1931. № 3. Стлб. 27–34.
3. Князев Г. А. Д. И. Менделеев и царская Академия наук (1858–1907) // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 6. С. 299–331.
4. Фигуровский Н. А. Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). М., 1961.
5. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
6. Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Керова А. С., Трифонов Д. Н. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л., 1984.
7. Тищенко В. Е., Младенцев М. Н. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период: 1861–1890 гг. М., 1993. (Серия: Научное наследство. Т. 21.)
8. Романовский С. И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999.
9. Киселева М. Н. К вопросу о избрании Д. И. Менделеева в Российскую академию наук // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Т. 8. СПб., 2000. С. 179–195.
10. Gordin M. D. The Ordered Society and Its Enemies: D. I. Mendeleev and the Russian Empire, 1861–1905. A Thesis presented... to the Department of the History of Science Harvard University, Cambridge (Mass.) 2001. Экземпляр этой диссертации хранится в Научном архиве Менделеева (Музей-архив Д. И. Менделеева) С.-Петербургского университета, далее сокращенно — НАМ СПбГУ.
11. Бутлеров А. М. Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге // Русь. 1882. № 7. С. 18–22; № 8. С. 15–20. (См. также [12, т. 3, с. 124].)
12. Бутлеров А. М. Сочинения: В 3 т. М., 1958.
13. Бутлеров А. М. Научная и педагогическая деятельность. Сборник документов. М., 1961.
14. Коштоянц Х. С. Сеченов. М.-Л., 1945.
15. Уставы Академии наук СССР. М., 1974.

⁴¹ Продолжения работ «Об упругости газов» и «О сопротивлении жидкостей и о воздухоплавании» так и не последовало.

16. *Фигуровский Н. А., Соловьев Ю. И.* Николай Николаевич Зинин. Биографический очерк. М., 1957.
17. *Соловьев Ю. И.* История химии. Развитие химии с древнейших времен до конца XIX века. М., 1976.
18. *Оглоблин В. Н.* Красочное производство за границей и в России. М., 1915.
19. Научное наследство. Естественно-научная серия. Т. 4. Письма русских химиков к А. М. Бутлерову. М., 1961.
20. *Mendeleev D.* Zur Geschichte der periodischen Gesetzes // *Ber. Deutsch. Chem. Ges.*, Berlin, 1880, Jg. 13, Juli-Dez. S. 1796–1804. Рус. пер.: *Менделеев Д. И.* Периодический закон. Основные статьи. М., 1958 (Серия: «Классики науки».) С. 396–406.
21. *Быков Г. В.* Свет и тени в научной биографии // *Человек науки.* М., 1974. С. 68–72.
22. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Часть 1: А–Л. Петроград, 1915.
23. *Андреев К. А.* Василий Григорьевич Имшенецкий (биографический очерк) // *К. А. Андреев, П. А. Некрасов, Н. Е. Жуковский.* Жизнь и научная деятельность Василия Григорьевича Имшенецкого. М., 1896. С. 1–76.
24. *Nekoval-Chikhaoui L.* Diffusion de la Classification Périodique de Mendeleiev en France entre 1869 et 1934 (Ph.D. diss., Univ. Paris-Sud U.F.R. Scientifique d'Orsay, 1994).
25. *Brush S. G.* The Reception of Mendeleev's Periodic Law in America and Britain // *Isis.* 1996. Vol. 87. P. 595–628.
26. *Менделеев Д. И.* Основы химии. 5-е изд. СПб., 1889.
27. *Ковалевский С. И.* Учебник химии. 2-е изд. СПб., 1878.
28. *Кук Д.* Новая химия. СПб., 1876.
29. *Wurtz A.* La Théorie Atomique. 2-ème ed. Paris, 1879.
30. *Brauner B. D. I.* Mendeleef // *Collection of Czechoslovak Chemical Communications.* 1930. Vol. 2. P. 219–243.
31. *Berthelot M.* Les Origines de l'Alchimie. Paris, 1885.
32. *Urbain G.* Comment les idées de Méndéléeff ont été accueillies en France // *Revue Scientifique.* 1934. Année 72. № 20 (27 Oct.). P. 657–661.
33. *Соловьев Ю. И.* История химии в России. Научные центры и основные направления исследований. М., 1985.
34. *Дмитриев И. С.* «Особая миссия» Менделеева — аргументы и факты // *ВИЕТ.* 1996. № 3. С. 121–141.
35. *Керова Л. С., Кротиков В. А., Добротин Р. Б.* Исследования Д. И. Менделеева в области физики газов // *Вопросы истории и методологии химии.* Вып. 2. Л., 1978. С. 73–96.
36. *Дубравин А. И.* О лабораторных приборах Д. И. Менделеева для исследования упругости газов // *Вопросы истории и методологии химии.* Вып. 2. Л., 1978. С. 97–103.
37. Записки Академии наук. Т. 23. СПб., 1874.
38. *Mendeleev D., Kirpichev M.* Notice préliminaire sur l'élasticité de l'air raréfié (Lu le 9/21 Avril 1874) // *Bull. Acad. Imper. Sci.* Т. 19. St.-Petersburg, 1874. Col. 469–475.
39. *Дмитриев И. С.* Научное открытие *in statu nascendi*: Периодический закон Д. И. Менделеева // *ВИЕТ.* 2001. № 1. С. 31–82.
40. *Менделеев Д. И.* О температурах атмосферных слоев (Ответ на «Некоторые замечания» М. А. Рыкачева) // *ЖРФХО.* 1876. Т. 8. Вып. 1. [ч. физ.]. Отд. 1. С. 19–53.
41. *Менделеев Д. И.* Еще несколько слов о температуре атмосферных слоев (По поводу статьи М. А. Рыкачева «Еще несколько слов о выводах из наблюдений Глешера, произведенных им в разных слоях атмосферы») // *ЖРФХО.* 1876. Т. 8. Вып. 2. [ч. физ.]. Отд. 1. С. 95–100.
42. *Воейков А. И.* Работы Д. И. Менделеева по метеорологии // *Труды Первого Менделеевского съезда по общей и прикладной химии.* СПб., 1909. С. 136–146.
43. Архив РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 88.
44. *Менделеев Д. И.* Какая же Академия нужна в России? // *Д. И. Менделеев.* Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 220–265.

45. Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников / Сост. А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило. 2-е изд. М., 1973.
46. Глинка С. Ф. Александр Михайлович Бутлеров в частной и домашней жизни (по личным воспоминаниям) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 12. История химических наук и химической технологии. М., 1956. С. 182–199.
47. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве его племянницы Н. Я. Губкиной (урожд. Капустиной). СПб., 1908.
48. Новое Время. 12 (24) ноября 1880 г. № 1692.
49. Салтыков-Щедрин М. Е. О переформировании де сиянс Академии // М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 93–99.
50. Новости и Биржевая газета. 24 ноября 1880 г. № 313.
51. Литературное наследство Д. И. Менделеева (Неопубликованная переписка). Письма Д. И. Менделеева П. П. Алексееву / Публ. В. Г. Георгиевского // Сообщения о научных работах членов Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. 1948. Вып. 3. С. 34–40.
52. Голос. 10 января 1881 г. № 10.
53. Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и творчества. М., 1961.
54. Страдынь Я. П. Прибалтика и научные контакты между Россией и Западом в XVIII–XX веках // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Т. 2. Рига, 1970. С. 115–119.
55. Пирогов Н. И. Дневник старого врача // Соч.: В 2 т. Т. 2. Киев, 1910.
56. Решетов А. М. Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6–7. С. 72–87.
57. Гюго В. Наполеон Малый // Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 1954. С. 5–217.
58. Canales J. The Single Eye: Re-evaluating Ancien Régime Science // History of Science. 2001. Vol. 39. Pt. 1. № 123. P. 71–94.
59. Пирогов Н. И. Университетский вопрос // Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 324–393.
60. Шмудевич Л. А., Мусабеков Ю. С. Федор Федорович Бейльштейн (1838–1906). М., 1971.
61. Новое Время. 28 ноября 1880. № 1708.
62. ЖРФХО. 1881. Т. 13. Вып. 1.
63. Модестов В. И. Русская наука и общество // Голос. 4 декабря 1880 г. № 335.
64. Герье В. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. № 4. С. 818–836.
65. ЖРФХО. 1907. Т. 39. Ч. 1. Вып. 1. С. VII–VIII; 1909. Т. 41. Ч. 2. Вып. 8. С. 1376–1377; 1910. Т. 42. Ч. 1. Вып. 2. С. 359–360; 1911. Т. 43. Ч. 1. Вып. 1. С. 137; 1912. Т. 44. Ч. 1. Вып. 2. С. 466; 1913. Т. 45. Ч. 1. Вып. 2. С. 363; 1914. Т. 46. Ч. 1. Вып. 1. С. 159; 1915. Т. 47. Ч. 1. Вып. 1. С. 200; 1916. Т. 48. Ч. 1. Вып. 1. С. 191; 1917. Т. 48. Вып. 6–7. С. 1766; 1919. Т. 51. Вып. 3–4–5. С. 297.
66. Новое время. 26 ноября 1880. № 1706.
67. Булгаков Ф. И. Немецкая партия в русской Академии // Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 421–431.
68. Мейлах Б. Послесловие к статье Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна в России?» // Новый мир. 1966. № 12. С. 191–198.
69. Вернадский В. И. Памяти Н. И. Кокшарова и А. В. Гадолина // Bull. Soc. Nat. Moscou. Vol. 6. 1892. № 4. P. 506–510.
70. Федоров Е. С. Некролог и список сочинений А. В. Гадолина // Изв. Геол. ком. Т. 12. 1893. № 8–9. С. 1–6.
71. Ларман Э. К. Аксель Вильгельмович Гадолин. М., 1969.
72. Антонович М. А. Предисловие // Новое обозрение. 1881 (январь). Кн. 1. С. 227–246.
73. Ярошевский М. Г. Иван Михайлович Сеченов (1829–1905). Л., 1968.

74. Князев Г. А., Князева М. Ф. Научные связи И. М. Сеченова с Академией наук // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.-Л., 1935. С. 399–427.
75. Антонович М. А. Ежемесячные очерки // Новое обозрение. 1881. Кн. 1 (январь). С. 313–335.
76. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984.
77. Герцен А. И. Провинциальные университеты // Собр. соч.: В 30 т. Т. 15. М., 1958. С. 18–24.
78. Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XIX вв.). М., 1997. С. 183–197.
79. Менцин Ю. Л. Дилетанты, революционеры и ученые // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 21–34.
80. Герцен А. И. Еще раз Базаров. Письмо второе // Собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Кн. 1. М., 1960. С. 345–350.
81. Писарев Д. И. Бедная русская мысль («Наука и литература в России при Петре Великом». Исследование П. Пекарского) // Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 51–97.
82. НАМ СПбГУ. I-й альбом. Док. 430.
83. Бутлеров А. М. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Теоретические и экспериментальные работы по химии. М., 1953. С. 68–74.
84. Вальден П. И. Николай Николаевич Бекетов (1828–1911): Некролог // Изв. Имп. акад. наук. Сер. IV. 1912. Т. 6. № 2.
85. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 1. М., 1974.
86. Вуков G., Jacques J. Deux pionniers de la chimie moderne, Adolphe Wurtz et Alexandre M. Boutlerov, d'après une correspondance inédite // Revue d'Histoire des Science et leur Application. Т. 13. 1960. № 2. Р. 115–134.
87. Волкова Т. В. Материалы о деятельности А. М. Бутлерова в Академии наук // Журнал прикладной химии. Т. 21. 1948. № 12. С. 1300–1305.
88. Померанц Г. С. Открытость бездне: встречи с Достоевским. М., 1990.
89. Менделеева А. И. Менделеев в жизни. М., 1928.
90. Голос Москвы. 24 января 1907. № 24.